

РЮ МУРАКАМИ

ТОПАЗ

Рю Мураками
Топаз (сборник)

«РИПОЛ Классик»

1988

УДК 821.521
ББК 84(5Я)6

Мураками Р.

Топаз (сборник) / Р. Мураками — «РИПОЛ Классик», 1988

ISBN 978-5-521-00743-1

В серии новелл под общим названием «Топаз» даны истории из жизни нескольких женщин, попавших в мир вульгарный, пошлый, жестокий. Роман «Кинопроба» продолжает эту тему. Рю Мураками, как никто другой, остается беспристрастным в изображении жизни, наполненной болью.

УДК 821.521

ББК 84(5Я)6

ISBN 978-5-521-00743-1

© Мураками Р., 1988
© РИПОЛ Классик, 1988

Содержание

Топаз	6
Топаз	6
Парк	11
Телефонная трубка	16
Женщина с кривым носом	22
Капустница	26
Фонарик	32
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Рю Мураками

Топаз

© Murakami Ryu, 1988

All rights reserved

Audition

© Murakami Ryu, 1997

All rights reserved

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.

ООО «Издательство «Пальмира», АО «Т8 Издательские Технологии», 2017

* * *

Топаз

Топаз

Когда я с ним столкнулась, внутри меня словно что-то взорвалось и разлетелось на осколки.

Наверное, потому, что всю вторую половину субботы я ублажала довольно неприятного клиента. Настроение было на нуле, я не хотела возвращаться в офис и пошла гулять по Аояме с желанием купить чего-нибудь, чтобы развеяться. И встретила его. А о нем я мечтала еще со средней школы.

Он был композитором, певцом, снимал фильмы – одним словом, был человеком искусства. Я называла его про себя артистом. Ему было за сорок. Он взорвал меня изнутри, а потом запрыгнул в красную спортивную машину и умчался по зеленому свету светофора, оставив меня наблюдать, как исчезает. Я смотрела ему вслед очень внимательно, словно старалась вдохнуть каждую крупину его запаха.

Мое душевное состояние мигом улучшилось, и в голову пришла странная мысль о том, что если бы мне было столько же лет, сколько моей маме, у нас, может, что и получилось бы.

Я заглянула в ювелирную лавку рядом с итальянским рестораном, из которого он вышел. Бородатый продавец в костюме-тройке добродушно улыбнулся мне и, придиричливо осмотрев мои пальцы, сказал, что на них хорошо смотрелся бы топаз.

Даже в тот момент я все еще думала о нем, моем артисте, о его лице, музыке, кинокартинах, поэтому, когда услышала голос продавца, мне показалось, что это он со мной заговорил.

Я вытащила бумажку в десять тысяч иен, полученную от неприятного клиента, которого забавляла в номере дорого отеля вся голая, вспотевшая и липкая от различных выделений, надела кольцо с топазом и представила себе, что стала любовницей сорокалетнего артиста. Пробормотав под нос что-то типа «Вот, потрудились для меня, я тебе и купил», я почувствовала, что там, внизу, у меня снова все намокло, хотя и принимала душ полчаса назад.

Оставив продавцу три перемазанных спермой бумажки по десять тысяч иен каждая, я купила кольцо. Выйдя из магазина, взглянула на вывеску итальянского ресторана, перевела взгляд на меню, выставленное у входа, и саму дверь. В этот момент мне показалось, что ресторан стал храмом, и я зашла в него с благоговением, будто собиралась помолиться. Несмотря на утреннее плохое самочувствие, несмотря на то что весь день ничего не ела, несмотря на тошноту после вонючего клиента, который связал меня и пихал в меня вибратор, настроение у меня оказалось на высоте. Рослый официант проводил меня вглубь, к самому дальнему столу.

Он поинтересовался, что я буду пить, и я заказала пиво. Затем, когда передал мне меню с милым котенком на обложке, я назвала имя моего артиста и спросила:

– Я слышала, что он часто вас посещает...

– На самом деле сегодня он изволил пожаловать после двух месяцев отсутствия, – ответил официант, улыбаясь.

Я съела рыбок под уксусом, которых посоветовал мне официант, и запила пивом. Потом долго сидела и развлекала себя мыслями, что я действительно любовница артиста, а недавно мы обедали тут и болтали о нашем ночном сексе, рассуждали о том, кто прошлой ночью был зверем в постели, после он встал и ушел первым, потому что очень известный и у него масса дел. Внезапно в кармане раздался звонок пейджера.

Он прерывистым эхом прокатился по всему ресторану, искромсав мои мечтания, подобно тому как ножницы режут бумагу на мелкие кусочки, и мое ликование в один момент съезжилось и застыло, будто его заморозили.

– Чем занимаешься?

Телефон стоял рядом с кассой. Добрый официант, что-то вписывая в длинный лист бумаги, посмотрел на меня ласковым взглядом, как бы желая пожалеть меня за мою занятость. Мне почему-то стало стыдно, будто моя мама увидела, как я занимаюсь сексом.

– Акико, сегодня ведь суббота, так много людей звонят...

Надтреснутый голос мама-сан, словно длинное щупальце, перемазанное липким соком плотоядного растения, утащил кусочки моих разбитых мечтаний в самую глубь черной дыры. Я тихо извинилась.

– Так ты где? На Аояме? Обедаешь? Ты же знаешь этого врача из Киото, клиента Ёсиэ? Да, господина Ямагиси. Так вот, у Ёсиэ сегодня месячные, выходной, и господин Ямагиси говорит, что хочет, чтобы ты пришла. Да, на два часа, но если ты как следует его обслужишь, он продлит время на сколько тебе угодно. Ёсиэ всегда продлевает на два или три часа и получает сто или двести тысяч за раз. Давай скорее к нему в отель. Только много не ешь, а то сама знаешь, как он любит клизму.

Когда я повесила трубку, мне показалось, что улыбка высокого официанта исчезла с лица, и мои щеки покраснели и стали горячими. При выходе из ресторана садомазо игрушки в моей большой черной сумке зазвенели, и этот звук напомнил мне звук собственного голоса, когда меня во время любовных игрیش заставляют произносить какие-нибудь слова, и я повторяю их, стораая от стыда. Я изо всех сил попыталась собрать хотя бы остатки мечтаний о моем любимом артисте, но и они бесследно исчезли.

Ямагиси было слегка за тридцать, он был высок и мускулист. Мне он нравился. У него было красивое лицо и длинные, как у пианиста, пальцы. Он душился одеколоном, запах которого я раньше никогда не встречала. Мне было стыдно раздеваться перед ним.

Я попросила выключить свет. В ответ он рассмеялся и выполнил мою просьбу, но отдернул занавески и велел мне встать прямо перед окном. Заливаемая лучами заходящего солнца, проникавшими через слегка изогнутое окно

«Нью-Отани Тауэр», я стояла и смотрела на сбившиеся на хайвее в плотную пробку машины и грузовики. Они казались мне кучей гусениц и производили отталкивающее впечатление. Мне стало неприятно.

Ямагиси достал из своего чемоданчика плавательную шапочку серебристого цвета и приказал мне, убрав волосы, надеть ее.

– Какое у тебя большое лицо! – воскликнул он, посмотрев на гладкий серебристый шар, в который превратилась моя голова.

На мне в тот момент были только шапочка, трусы, лифчик и туфли на высоких каблуках. Ямагиси достал пиво из холодильника, отпил глоток и распорядился:

– Потряси попкой, будто ты стыдливая офисная леди, которой до ужаса хочется трахаться. И сними трусы.

Начав крутить немного нагретым под вечерними лучами солнца мягким местом, я заслужила его неодобрение:

– Ну чего ты дергаешься как на зарядке?! Я засмеялась, но в тот же момент пожалела об этом. Ямагиси со стуком поставил банку с пивом на стол и закричал:

– Не смей!

Я испугалась. Он подошел ко мне, содрал лифчик и сильно сжал пальцами соски.

– Здесь и вот здесь! – Он сжал меня внизу. – Дура! Какого хрена ты ржешь?! У тебя же даже личности нет! Ты своими куриными мозгами хоть можешь сообразить, что такое личность?! Вот ты не личность, а такие, как ты, не ржут, а сидят на жопе и стесняются!

Он покрутил пальцами мои соски и потер кожу внизу. Мне стало так больно, что я чуть не описалась, но, испугавшись, что он меня снова выругает, стерпела и попросила прощения, опустив глаза.

– А ты подумай вот этим и этим! Поняла?! Если поняла, поздоровайся со мной как следует!

Когда Ямагиси наконец отпустил меня, я, мелко трясая попой, чтобы заглушить постепенно проходящую боль, встала на колени перед ним. Он развалился на диване. Я стала по одному облизывать пальцы его ноги, прося простить меня. Другой ногой Ямагиси пинал мою одетую в серебристую плавательную шапочку голову и артистично смеялся хорошо поставленным голосом, как у диктора из прогноза погоды.

За четыре часа я испытала оргазм несчетное количество раз, Ямагиси кончил два раза мне в рот. После каждого раза мы отдыхали и смотрели какой-то венгерский фильм на маленьком карманном видеоплеере, который оказался у Ямагиси в чемоданчике. Это была короткая история о парне, вспыхнувшем не совсем обычной любовью к голубям.

Когда Ямагиси кончал мне в рот последний раз, он заставил меня позвонить на какой-то номер в Киото, по-моему, это был то ли бар, то ли закусочная, куда он любил ходить. Мне следовало рассказывать женщине на другом конце провода о том, что я делаю в данный момент.

– Я сейчас какаю! – Сразу после пол-литровой клизмы, находясь в ванне, с вибратором во влагалище.

Или:

– Мне так хорошо! – Все с тем же вибратором.

Или:

– Я вам звоню с членом Ямагиси-сан во рту!

Женщина, похоже, возбудилась и, странно хихикая, отвечала мне:

– Да? Какая ты извращенка!

Или:

– Проглоти все до конца, ладно?

Когда Ямагиси стал кончать, он вырвал у меня трубку и, назвав ее по имени, детским голосом произнес:

– Я тебя люблю.

Получив от Ямагиси в этот раз больше денег, чем обычно, я позвонила мама-сан в офис. Она очень обрадовалась тому, что все хорошо, и я вышла из номера просто в отличном настроении. Спустилась на лифте, прошла по длинному коридору и увидела в магазине мужской одежды итальянское пальто. В тот момент, когда подумала: «Вот ему бы подошло такое пальто», имея в виду своего артиста, я вдруг обнаружила, что недавно купленное кольцо с топазом исчезло.

Я сразу же позвонила в номер Ямагиси, но мне сказали, что гость просил ни с кем не соединять. Делать нечего, я отправилась в туалет, закрылась в кабинке, вывалила содержимое сумки на крышку стульчака и начала рыться в вещах, надеясь, что кольцо затерялось среди них. Но его не нашла.

Засунув в сумку веревку, клизму и вибратор, я уронила красную свечку в виде члена. Она покатилась по полу и оказалась за дверью кабинки. Выйдя, я обнаружила трех девушек, одна из которых в изумлении протянула мне свечку:

– Вот...

Они, наверно, попали сюда с какой-нибудь встречи студентов с преподавателями, на двух было одето кимоно с длинными рукавами, а на девушке, подобравшей свечку, бархатное вечернее платье. Они все были гораздо красивее и выше меня, и мне вдруг стало стыдно. Щеки мои покраснели, и я попыталась сбежать, вырвав свечку.

– Эй ты! Ну-ка стой!

Девушка в бархате рассерженно схватила меня за руку.

– Отпусти ее! Она странная какая-то! – закричали девушки в кимоно, и мне стало еще стыднее.

Я подумала о том, что, наверно, с подобной им девушкой я и разговаривала тогда по телефону во время секса, и такие девушки и ходят с моим артистом в итальянские рестораны и получают от него в подарок драгоценности. Решив так, я взглянула на девушку в бархатном и увидела у нее на пальце очень красивое кольцо с камнем зеленого цвета. Мне стало еще хуже, и я дернулась, пытаюсь высвободить руку, но не смогла.

– Ты же это... шлюха, наверно, да? Ты свечку во время работы используешь, да? – сказала она с насмешкой, глядя на зажатый в моей руке предмет.

Она была выше меня более чем на десять сантиметров, у нее были большие красивые глаза, и я вдруг чуть не заплакала. Когда она потребовала от меня извинений, я, не знаю почему, внезапно укусила ее за тонкое запястье.

Я хотела еще поискать кольцо, но девушки закричали, что сейчас позовут охранника, и мне пришлось, пробежав через холл, выскочить на улицу и быстро поймать такси.

– У вас все в порядке?

Водитель смотрел на мое отражение в зеркале заднего вида. Приложив руки к лицу, я поняла, что оно все в слезах.

– Нам, конечно, нельзя разговаривать с клиентами на такие темы, но... видите ли, дело в том, что у меня дочка такого же возраста, как вы... Но вы не расстраивайтесь, я вот что вам скажу, может, странно прозвучит, но не все же так плохо в этом мире. – Он разговаривал будто с самим собой.

Я была вынуждена выслушивать его и так рассердилась от безысходности, что, будь у меня сейчас нож, зарезала бы его без всяких колебаний.

– Вот и дочке я тоже говорю, времена другие, но она-то понимает, так ведь, что времена, надо это пережить, обидно, конечно, но я часто об этом думаю...

Бред. Когда я слушала его, мне казалось, что мое лицо облизывает кто-то вонючий, с ужасным запахом изо рта. Я не могла больше терпеть:

– Да заткнись ты уже!

Он затормозил. Его вытянувшееся лицо выражало полное удивление. Затем выражение лица переменялось, и он стал похож на разозленного хряка. Сплюнув в окно, он заорал:

– Дура! Пошла вон отсюда!

Я вернулась в офис. Мама-сан похвалила меня за четыре часа с Ямагиси и подарила шейный платок от Шанель. Я перекусила лапшой и, хотя мама-сан меня уже отпустила, осталась в надежде на то, что позвонит какой-нибудь клиент из «Нью-Отани» и я смогу туда поехать. Время перевалило за двенадцать, но никто так и не позвонил. Выйдя из офиса и немного прогулявшись, я попробовала позвонить Ямагиси, но меня снова не соединили. Тогда я отправилась в «Нью-Отани» сама.

Я шла по коридору, ища кольцо на полу – вдруг оно куда-нибудь закатилось.

– Вы что-то потеряли? – Ко мне подошел посыльный.

Я отрицательно покачала головой и быстро направилась в бар, где заказала джин-тоник.

В углу сидели какие-то девушки в кимоно. Меня охватило некоторое волнение, вдруг это те самые, из туалета. Но это оказались не они, и я подумала, что, если встречу тех девок, убью их.

– Извините. Здесь свободно?

Полноватый мужчина с бледным лицом сел рядом со мной, получив утвердительный ответ.

Он помолчал пять минут, а потом начал разговор:

– Извините, не разрешите вас угостить? У меня сегодня есть повод.

Я промолчала. Он заказал бармену коктейль, название которого я никогда не слышала. Его было легко пить. И сладко.

– Коктейль на текиле, поэтому такой сладкий. Зато крепкий. Если вас какой-нибудь похотливый самец будет угощать таким, будьте настороже, – улыбнулся он.

Затем рассказал, что работает в музыкальном издании, показал журнал, и там, на страничке с интервью с авторами новинок, я увидела своего артиста. Мне захотелось выдрать эту страницу и жадно ее съесть.

– Я его фанатка.

– Но ты так молода. – Он закурил тонкую иностранную сигарету. – Хотя он всегда и для всех был звездой...

– А вы его знаете?

– Ну да, с его дебюта. Мы и сейчас иногда в гольф играем. Ну... что о нем можно сказать... он оригинал, конечно, необычный человек.

От бледного мужчины неприятно пахло одеколоном «Арамис». Он мне сразу не понравился, но благодаря ему я смогла позвонить любимому артисту домой и услышать его голос на автоответчике. Мне казалось, что сердце выскочит из груди, я так разволновалась, что не смогла ничего сказать, но все равно была рада до слез. Несмотря на запах одеколона, я пошла с ним в номер, сосала и засовывала в себя его член, более бледный, чем его лицо.

Прошло еще много времени, прежде чем я оказалась у номера Ямагиси и позвонила.

Я много выпила, и мне пришлось изрядно поплутать по коридорам.

Ямагиси вышел в халате, схватил меня за руку и надел на палец кольцо с топазом, сказав при этом, что кольцо мне слишком велико и нужно попросить в магазине, чтобы его уменьшили.

Я тут же расплакалась, а он, пробормотав себе под нос: «Ну что ты будешь делать...», завел меня в комнату и дал пива. Я сказала ему, что мне деньги не нужны, но я очень хочу остаться здесь на ночь. Он ответил, что ему завтра рано на работу, поцеловал меня в щеку и проводил до лифта.

Вернувшись к себе домой, я первым делом вытащила журнал, который дал мне мужчина с бледным лицом. Вырезав фотографию моего артиста, я наклеила ее на стену и, сказав: «Люблю тебя...», поцеловала. В этот момент внутри появилось такое приятное чувство, будто у меня теперь есть игрушка, маленькая куколка, в которую я влюбилась. Я позвонила своей однокласснице, с которой мы вместе ходили в старшую школу, и похвасталась, что сегодня слышала его голос. А затем примерно час любовалась своим кольцом с топазом.

Парк

Отель был одним из небоскребов в Западном Синдзюку. Бассейн находился на самом последнем этаже.

Я художница. Я занимаюсь тем, что рисую иллюстрации к брошюрам об этом отеле, а также продаю гравюры для двенадцати комнат роскошного люкса. А еще прихожу два-три раза в неделю в бассейн поплавать.

Он совсем небольшой, в длину всего лишь пятнадцать метров. Однако скопления людей не бывает. Может, из-за цены в восемь тысяч иен за вход для посетителей, не являющихся постояльцами отеля. Мне нравится плавать, любуясь на центр города с высоты тридцати трех этажей.

Обычно я плаваю после обеда, посетителей почти не бывает. Иногда приходят мужчины-европейцы из экипажа итальянской «Алиталии». Члены интернациональных авиалиний, само собой, говорят на хорошем английском. С одним из них я даже переспала. Несмотря на свое латинское происхождение, он оказался на редкость тихим и застенчивым, научил меня плавать баттерфляем, а когда мы вместе ели спагетти с морскими черенками в кафетерии, он сказал, что у них в Италии такие отвратительные спагетти даже собаки есть не будут, и рассмеялся как Джан Мария Волонте. Мне так понравилась его улыбка, что я пошла с ним в его номер.

Падая снег. В нежаркой сауне рядом с бассейном со мной заговорил невысокий мужчина. – Япония тоже стала богатой. – Он сидел в самом углу, поджав под себя ноги.

Я невнятно пробурчала что-то в ответ.

– А вы сюда часто ходите?

Сауна будто пропитана какой-то близостью. Несмотря на наличие купальника, я чувствую, как пот все равно выделяется на оголенных участках моего тела, и размякаю, теряя чувство осторожности.

– Наверное, два-три раза в неделю. – Я провела рукой по волосам.

– Я думал, здесь будет много народу, а на самом деле совсем пусто.

– Я сюда хожу где-то около года, но в это время почти никого не бывает, – ответила я. – Можно подумать, что, поскольку бассейн крытый, здесь можно застать много людей, когда нельзя купаться на улице из-за холодного времени года. Но на самом деле это не так. Больше всего посетителей как раз таки летом.

Кожа мужчины выглядела гладкой. Он явно не занимался тяжелой работой. На вид ему было больше тридцати, наверное, он младше меня на два-три года.

– Хорошо, что так мало народа. Я, наверное, сюда теперь ходить буду.

– А вы обычно где-то еще плаваете? – спросила я.

Он кивнул.

– Я-то считал, здесь бывает много молодых девушек.

– Почему?

– Мне так сказали.

– Кто?

– Одна девушка.

Пот на его ключице скопился в каплю. Я наблюдала за стекающими и застывшими неподвижно каплями на его теле.

Выйдя из сауны, мужчина проплыл кролем пятьдесят метров без остановки. Не то чтобы очень красиво, зато во всю силу. Может, он в море так научился?

– Хорошо плаваешь!

Мы сидели у стойки бара рядом с бассейном, попивая кокосовое молоко.

– У меня грубый стиль, правда?

Он попросил у девушки-бармена в галстук-бабочке долить ему рома в кокосовое молоко, но она ответила отказом. В баре запрещено было использовать алкоголь.

– Так ты, наверное, родился у моря?

Я прикрыла живот полотенцем. По сравнению с другими животами женщин моего возраста мой выглядел лучше многих, но все же тело уже не походило на тело молодой девушки. Его слова «одна девушка» до сих пор звучали у меня в ушах.

– На Сикоку.

У него было мускулистое тело, но слишком перекачанная нижняя часть живота свидетельствовала скорее о разгульном образе жизни, нежели об ежедневных тренировках.

– А я художница. Гравюры делаю.

– О, у меня есть литография Жоржа Руо.

– Ты любишь картины?

– Не то чтобы не люблю... скажем так, если их нет, я по этому поводу не парюсь. Руо купила жена.

– Он ей нравится?

– Похоже, что так.

В бассейн зашли две мамочки с детьми. Детские крики и повизгивания резали слух и контрастировали с кокосовым молоком, подаваемым в баре, и белым снегом за толстыми стеклами окон.

– Я думала, ты холост.

– Мы не живем вместе.

– Извини.

– Все в порядке.

Пятилетний ребенок, выпав на секунду из поля зрения мамы, начал тонуть. Дежурный спасатель прямо в тренировочном костюме бросился в воду, чем привлек наше внимание. Я впервые видела тонущего ребенка. Хотя он дергался изо всех сил, однако его криков все равно не было слышно под водой. Было много брызг, но ведь это же бассейн, тут брызг всегда полно. Когда его вытащили, он начал громко плакать, отплеывая проглоченную воду.

Мужчина равнодушно смотрел на все это, а потом пригласил меня перекусить.

– Это просто больной зуб, – начал он после первого стакана вина. – Когда же это было?.. Года два назад, я жвачку жевал, и у меня что-то во рту отвалилось, похожее на спрессованную резину. Я еще подумал тогда, ну вот, точно врач перестарался. Хотя больно не было. Но во время еды забивается же... чувство такое неприятное.

Мы сидели в ресторане отеля на подземном этаже и ели очень подходящее зимней ночи блюдо – диких птиц. Я выбрала дрозда, а он фазана.

– И вот, трогаешь языком это место, а язык же вообще экстраординарный орган, касаешься дырки, а он создает в голове образы всякие. Вот вы как человек искусства скажите мне, что это? Вы ведь наверняка разбираетесь в таких образах?

– Язык? Образы? Что-то я не схватываю...

Я была уже немного пьяна и не могла понять связи необычного органа и дырки в зубе.

– Давайте взглянем на это под другим углом зрения. Я раньше читал об этом. Воспоминания – это образы, верно?

– Не знаю.

– Ну вот, например, вспомните какой-нибудь хит десятилетней давности, скажем «Иглз», «Отель Калифорния». Когда слышишь вступительный проигрыш на гитаре, такое чувство появляется... чего-то родного и давно забытого, ведь правда?

– Когда все «Отель Калифорния» слушали, я рассталась с одним мужчиной.

– Вот видите! Только один лишь звук, такой давно забытый и родной, обязательно пробуждает в голове какие-то образы. Ставя песню, которой заслушивался десять лет назад, ты вспомнишь то, что случилось с тобой тогда.

А запах? Когда я улавливаю запах женщины-врача, каждый раз в голове возникает образ одной девушки. Прав я или нет?

– Ну да.

Все верно. Я ненавижу запах одеколона «Арамис». Им душился мужчина, растоптавший мою гордость. Но самое обидное, этот мужчина был первым, кому удалось разбудить чувства в моем теле. Я никогда больше его не видела. Поэтому каждый раз, когда ощущаю запах «Арамиса», я вспоминаю его и понимаю, как все остальные от него отличаются.

– В Америке закончились испытания, сейчас началось серийное производство приборов, которые могут передавать опыт. Проще говоря, памяти, включающей в себя образы, звуки, запахи, вкусы, температуру, спящей где-то в мозгу. Испытания начались с исследования сути явления. При пересылке электрического стимула в мозг, элементы памяти как бы пробегают перед мысленным взором. Такое ощущение, будто смотришь фильм. Одним словом, сначала разыскивают элементы памяти, которые спят, а затем, самое интересное, все испытуемые без исключения видят такие образы, которых они точно никогда прежде не могли встречать.

– Может, им попадалось что-то в фильмах или по телевизору. Есть, в конце концов, книги.

– Поэтому команда, ставившая опыт, и выбрала в качестве подопытных индейцев из резерваций в Северной Америке и с высокогорий Южной, эскимосов с Аляски. Они, с рождения жившие в резервациях безвыездно, не умеющие читать, не говоря уже о телевидении и кино, вдруг начали рассуждать о том, о чем даже и представления не могли иметь, в подробностях расписывать красоты Египта и Амазонки, излагать такие вещи, которые можно ассоциировать только с чем-то произошедшим в доледниковый период, рассказывать о динозаврах юрского периода, средневековой Японии.

– Даже страшно как-то становится.

– Удивительно, правда?

– А почему так произошло?

– Причина неясна.

– Может, это воспоминания из прошлых жизней?

– Это еще не конец, вам интересно?

– Да, конечно.

Похоже, из-за его истории, когда принесли суп из морской черепахи с сильным запахом, у меня в голове возникли и никак не хотели исчезать эротические образы.

– Собрав данные о том, какое место мозга за какие образы отвечает, и проанализировав их на компьютере, они смогли заставить человека испытывать все что угодно.

– Как это?

– Ну, например, имеется человек, с рождения парализованный и не имеющий возможности ходить. Но, посылая в его мозг электрические импульсы, можно дать ему шанс ощутить радость движения. Возможно, есть вероятность заставить чувствовать даже людей в коме. Потому что у людей в коме существуют мозговые волны, отвечающие за сны. Через них можно, наверное, передать людям ощущения, не только образы, но и звуки, запахи и вкусы.

– А язык твой?

– Мой язык действует так же, как и это устройство, создающее такие объемные сны со звуками, запахами, вкусами и температурой. Поэтому до того, как узнал про американские исследования, я очень боялся, не сошел ли с ума.

– Так что с языком-то?

– Трогая языком дырку в зубе, я вижу образы. В зависимости от того, чем забила дырка, образы меняются.

– А женщин видишь?

– Если в дырке яйцо, то появляется нечто похожее на женщину. Ну, конечно, если там черная или красная икра, то картинка гораздо лучше. Я даже иногда кончаю, как бы это странно ни прозвучало.

От поджаренного дрозда и золотистого соуса поднимался аромат крови дикой птицы и ее печени.

– Я все-таки не понимаю, что происходит с языком?

– Ну, я могу рассказать о недавнем опыте, но не знаю, нормально ли говорить об этом.

– Почему?

– Немного похабно будет.

Я уверила его, что все переживу. Вторая бутылка вина почти опустела. Нечто странное стало заполнять мои глаза и желудок, нечто вызванное артишоками и мясом пальмового вора, или кокосового краба, поданными на закуску. Его мягкие внутренности, горечь его желез, пронизывающая язык, все это перемешивается с вином во рту, но не тает, а словно рождается заново, проявляясь неким доселе непознанным существом. Оно впитывает в себя волокна мяса, густые, словно «сердце» артишока, снимает кожу с обратной стороны панциря морской черепахи, затем выплевывает густой сок и, вытягивая свои щупальца, поросшие маленькими волосками, вползает в меня, семена бесчисленными ножками. Я в полной власти существа.

– Это случилось, когда я ел морского ежа. Мы пошли вместе с коллегами по работе в суши-бар, недалеко от нашего офиса. Там я и съел ежа. Настоящего морского ежа, выловленного на западном побережье Хоккайдо.

– И он застрял в дырке?

– Да. Было неприятно, поэтому я попытался его выковырять языком, и когда коснулся, внезапно раздался странный звук. Как будто листва огромного дерева зашуршала на слабом ветру. Или будто мириады маленьких насекомых задвигались в один миг, или тихо засмеялся миллион человек. Вместе со звуком у меня случилось нечто странное и со зрением. Я, удивившись, потерял глаза. Появился ощущение, будто правый и левый глаза видят разные вещи. Затем они словно разошлись в разные стороны, между ними возникла пропасть, которая утянула меня в себя, подобно тому как течение затягивает, когда плывешь по реке. Мне стало страшно, и я закричал. Друзья потом рассказывали, что я действительно кричал. На краю этой пропасти возник невиданный мной ранее город. В нем смешались запахи пота, иссушенных солнцем внутренностей животных, людей, сбившихся в кучу на узких улицах. Одним словом, это были трущобы где-то в Юго-Восточной Азии. Скорее всего, в Южной Индии. Я тоже пошел по этим улицам. Конечно же, раньше я никогда не был в этом месте. В грязи сидели и тянули ко мне руки голые дети, точильщик ножей, согнувшись в форме полумесяца, разрезал свиное копытце, чтобы показать мне, как остро он точит ножи, заклинательница змей просовывала голубую змейку из носа в рот, из-за ставней домов меня зазывало множество проституток.

От жары и количества людей у меня потемнело в глазах. Мне захотелось походить по холодному каменному полу, и я зашел в малахитовый дом, стоявший в тени. Рядом с прихожей, напоминавшей больше холл отеля, стояла огромная золотая статуя Будды, и еще там была белая женщина, вся в окружении орхидей. Я попросил у нее воды. Пройдя по малахитовому полу, она показала мне, где находится фонтан.

– Ты с ней переспал?

– Мы с ней занимались анальным сексом.

– В попу?

– Ага.

– А с другими видениями тоже такое было?

- Там не только секс. И на лыжах хожу, езжу на мотоцикле да и просто гуляю.
 - А сейчас?
 - У меня дырка в левом зубе, поэтому кусаю правым.
 - Почему?
 - Сегодня мне больше нравится действительность, нежели видения.
- И он откусил голову дрозду.

Мы спали в моей мастерской. Он все же отправился в свои видения один раз. Это произошло во время куннилинга, когда мой лобковый волос забил в его зубную дырку. Он вдруг прекратил лизать и замер. Только выражение лица менялось – то оно было восторженным, то его преображала странная улыбка, когда он кривил губы и обнажал зубы. Я протянула руку к его промежности и крепко схватила за твердый член. Он дернулся, и выражение его лица стало испуганным.

- Где ты был? – спросила я его, когда он очнулся.
 - В незнакомом городе.
 - За границей?
 - Да. Думаю, это была американская глубинка. Где-то недалеко от Корн-Белт. Там еще много ферм.
 - Я тебя один раз схватила за член. Ты испугался. Что случилось?
 - Не помню. В общем, видение было не сказать чтобы очень хорошим.
 - А когда у тебя ничем не забита дырка в зубе, видений не бывает?
 - Бывают. Да. Я вижу парк. Я никогда прежде не посещал этого города, не знал, где он.
- Он пуст, там нет никого. Мне кажется, что этот парк находится близко к месту, где я родился. Садится солнце. Я сижу на земле. Моя тень вытянулась у меня за спиной. Это маленький парк. Может быть, я кого-то жду, а может, и собираюсь уходить. Я один, и я не двигаюсь. В песочнице закопана сломанная кукла. По земле перекачивается мелкий песок. Слышен какой-то звук, то ли качели скрипят, то ли вдалеке кто-то поет, или же это птицы пускают трели. Солнце долго садится, но ночь все никак не наступает. И я в видении начинаю плакать...

Телефонная трубка

Холл отеля чем-то наполнен.

Что-то заполняет пространство над клетчатым узором мраморного пола, рядом с фресками на стенах, вокруг люстр из огромных слитков стекла и между ждущими и бегающими туда-сюда людьми.

Только я это чувствую?

Точно, я особенная. Я и не служащая здесь, и не постоялец, и не гость на банкете. Я как паразит. Девочка по вызову, но не для обыденных сексуальных утех.

Подруга мне рассказывала про дайвинг. Когда плывешь без водолазного костюма и натыкаешься на плотные заросли кораллов, они начинают врезаться в тебя, словно мельчайшие осколки стекла, и по всему телу распространяется боль.

Чем-то похожим и наполнено внутреннее пространство отеля.

– Ноги вообще удивительная вещь. Они не то чтобы грязные, нет. Никто, кроме писателя Дзюнъитиро Танидзаки, пожалуй, не смог так раскрыть их странно влекущую нас таинственность. Эй, ты же читала Танидзаки? Не важно, в общем, ноги, в особенности пальцы, несмотря на свою непрактичность, играют важную роль в поддержании веса тела. Пальцы не могут сжимать предметы, но служат нам важным инструментом для сохранения равновесия. Понимаешь?

Он начал говорить сразу, как только пригласил меня в номер. Он даже не предложил мне сесть, заставил стоять, а сам уселся на подлокотник дивана.

– Люди состоят из различных частей тела, которые, если хорошо приглядеться, имеют довольно странную форму. Вот взять хотя бы уши. Ты рассматривала когда-нибудь свои уши внимательно? Вот я – да. У обычных людей, конечно, такого опыта нет, никто же не задастся целью увидеть свои уши. Но, я думаю, это стоит того. Только важно смотреть на них спереди. Это очень сложно, нужно два зеркала использовать. Поставить их вот таким образом и смотреть не отрываясь самое меньшее десять минут. Ты поймешь, что уши имеют форму, удобную для выполнения своей функции и подходящую людям. Может, это непонятно сказано, но нам они годятся.

Обычная работа, но я очень сильно напряжена. Я не слышала, чтобы кого-нибудь убили, позвав в номер отеля, но у меня есть подруга, которая попала в серьезную переделку. У мужчины в уголках губ выступает пена. Он все говорит и говорит и даже не смотрит на меня.

– И нос, и пальцы рук, и губы, все одно и то же, но вот пальцы на ногах – это другое дело. Они людям совсем не идут. Я думал над этим и все понял. Я всегда размышляю основательно, это мой стиль, основательно думать —

значит мозги тренировать. Так вот благодаря прямохождению люди эволюционировали из обезьян, верно? Проще говоря, ноги сыграли очень важную роль. Пальцы ног поддерживали вес тела, поэтому сплющились, с ними обращались как с другими подобными частями тела, на которые опирались, ступни или зад. В результате они стали выглядеть достаточно неприглядно. Поэтому чем человек красивее, тем гротескнее и смешнее смотрятся пальцы его ног. Мне нравятся пальцы у японцев. Я часто езжу за границу и могу сказать, что у иностранцев они длинные и меня совсем не впечатляют. Мне по душе толстые и короткие, как гусеницы.

Мужчина смотрит на мои туфли. Туфли из черной кожи на семисантиметровом каблуке, как он и просил по телефону. Его губы мелко подрагивают. Я спрашиваю, можно ли мне принять душ.

– Душ? Какой душ? Ты что сказала, сама понимаешь? В последнее время все эти ваши клубы такие странные. Мы не будем с тобой заниматься сексом. Нам даже раздеваться не нужно. И вообще, запах тела очень важен, ты об этом не задумывалась?

– Я не понимаю.

Мои лодыжки устали. Это все из-за каблучков. Обычно я не ношу такие высокие. Наш менеджер в клубе говорил мне, что этот клиент просто помешан на ногах. Менеджер и сам странный. Он подрабатывает переводами с испанского, а его жена, она старше, чем он, тоже трудится в клубе. Вся семья в сборе, короче говоря. Как-то раз я была на вызове в другом отеле, когда пришла туда, его жена лежала в номере связанная. В тот день у меня была легкая работа, я просто наблюдала за тем, что она и ее клиент вытворяли друг с другом.

Он продолжает говорить.

Он в халате. Коричневом, блестящем, похожем на халаты комиков из старых американских фильмов. Его кожа совсем бесцветная, как будто он уже года три не был на море. На его голенях мало волос. Довольно жалкое зрелище.

Я прошу у него пива. Он радуется, наливает и наконец-то предлагает мне сесть. На этот раз он начинает говорить о своей работе. Он служит директором фирмы, третьей по величине в Нагоя, по продаже вяленого мяса. Он утверждает, что в отличие от американского толстого и твердого мяса, японское тонкое и мягкое и беспримерно вкуснее. На это я замечаю, что, когда пьешь бурбон, особое удовольствие получаешь от твердого вяленого мяса. Однако он на это никак не реагирует, потому как, распластавшись на полу, уже лижет кончики моих шпильек. Я спрашиваю его о вкусе тонкого вяленого мяса, и вид его, сосущего твердую черную кожу моих туфель, кажется мне настолько нелепым, что я начинаю громко хохотать. От моего смеха мышцы его спины напрягаются, как у пожарного, вскочившего от звука сирены. Это мне кажется еще более нелепым, и я не могу перестать смеяться. Он поднимает ко мне свое лицо: в уголках губ свисает слюна, как у собаки. Я ненавижу собак.

– Ты прямо как собака, – продолжаю заливаться я.

Он смотрит на меня с ненавистью, затем наконец снимает халат и гавкает голым.

– Я ненавижу собак, – говорю я и надавливаю на него шпилькой.

У него тут же круто встает член. И он начинает рассказывать:

– Может, ты мне не поверишь, но я все время был собакой. Еще до школы, у меня совсем ничего от человека не существовало. В родословной имелись записи до четырнадцатого колена, но это все вранье, на самом-то деле я дворняжка, полукровка. Это мне сказал отец, он держал лавку дзэни, то есть менял, и вот как-то, пощелкивая костяшками счет соробан, признался мне: «Извини, что молчал, но на самом деле ты полукровка».

– А твой папа не был собакой?

Я направляюсь к холодильнику за второй бутылкой пива. В холодильниках этого отеля собраны все сорта пива со всего света. Я беру «Сан-Мигель».

– Про папу я ничего не знаю. Мы нечасто с ним общались. Он был строгим и бесчувственным человеком.

– А мама?

– А мама работала на кассе в ближайшей лавке, где продавали соевый творог тофу. На заработанные деньги я смог пойти в университет, выучиться и стать тем, кем являюсь сейчас.

– Так мама была собакой?

– Она ничего мне по этому поводу не говорила. Она вообще была неразговорчивой. А еще в лавку моего отца часто приходила Ниго, она комнату по соседству снимала. Ниго была хорошая.

– Что в ней было хорошего?

– На лице у нее было написано, что она не работает не покладая рук. И ноги у нее были очень красивыми. Если не перетруждать себя тяжелой работой, ноги всегда красивыми будут. Я все время смотрел на ее ноги и благодаря этому сам смог встать на задние лапы и стать человеком.

– Ты смотрел на ее пальцы, да?

– Я начал ходить на двух задних лапах. Стал известным там, где жил, меня даже по телевизору показывали в одной передаче, я еще на гитаре играл. Несмотря на раннюю весну, утром было по-зимнему холодно, все замерзло. Я ждал лета так сильно, что выл иногда. Думал, что, когда наступит лето, я смогу увидеть пальцы на ее голых ногах. Наступило лето, потекли веселые ручейки, зацвели одуванчики, луна стала бледнее, рыбы проснулись, дети стали делать шапки из газет, собирать слизняков после дождя, изготавливать куколок из бумаги или тряпок, чтобы призвать хорошую погоду, а потом ходить на болото и ловить лягушек. По телевизору в прогнозе погоды старик Касима сказал, что начался сезон дождей. Долгожданное лето. Ниги сняла колготки, а я смог стать человеком.

Он болтает, не замечая ничего, словно сомнамбула. Я совершенно не слушаю его болтовню и снова запихиваю свою ступню ему в рот. И вдруг понимаю, что испытываю сильное удовольствие от этого. Тогда решаю засунуть ему в рот телефонную трубку. Он соглашается при условии, что я сниму чулки, да и то только на пять минут. Я звоню менеджеру клуба и его жене и говорю: «Послушайте, сейчас будет интересно», потом засовываю трубку в его рот и втыкаю в задницу шпильку туфли, продолжая его возбуждать. Он кончает в первый раз, но я не возбуждаюсь. По роду своей деятельности я часто испытываю чувство возбуждения, когда мужчина кончает. Эякуляция для меня – это как праздник, запуск ракеты или фейерверк. Однако эякуляция мужчины, скрежещущего зубами по пластиковой трубке во рту, не вызывает у меня никакой реакции. Он кажется мне похожим на торговый автомат.

– Что у тебя там происходит?

Я рассказываю менеджеру и его жене о том, чем мы занимаемся.

– Так засунь ему ее в задницу! Потом сфотографируй, мы хотим посмотреть.

Он, естественно, отказывается. Трубка старого образца, и он боится, что ее невозможно будет вытащить.

Я, как и обещала, снимаю, а точнее, позволяю ему снять ртом туфли и чулки. За то, что он осмелился укусить меня за бедро, я еще на пять минут засовываю ему трубку. Подумав, что будет интересно дать послушать звуки скрежета зубов по трубке кому-нибудь еще, я звоню своему другу. Мы когда-то жили вместе в течение полугода, а сейчас он стал любовником на содержании у хозяйки одной забегаловки, где продают фугу, и разъезжает на «саабе». На свои первые заработанные деньги я сводила его в ресторанчик якинику и, поедая жареное мясо, рассказала ему об играх, которые у меня были с клиентами. Он выbleвал все, что съел до этого, а потом три дня не мог сексом заниматься, потому что временно стал импотентом. А я с тех пор не могу есть пибимпап – смесь из риса и других продуктов.

– Это что там, музыка? Похоже, что кто-то поет? – спрашивает мой прежний мужчина.

– Музыка?

– В его хрипах есть что-то мелодичное.

– Разве? Я не заметила.

– А я слышал.

– Ты что, пел? – спрашиваю я у распластавшегося на полу и целующего мои пятки мужчины.

– Как я мог петь, если у меня горло было забито, я чуть не задохнулся, – отвечает он.

– Утверждает, что не пел.

– А я говорю, пел.

– Ты что там, со снотворным опять переборщил?

– Я больше этим не занимаюсь.

– Значит, пьян.

– Нет. Я сейчас в Интернете про индекс Никкей читаю.

– О чем это ты?

- Это свидетельство того, что я не пьян.
- Тебе действительно мелодия слышится в его хрипах?
- Что-то типа Вангелиса.
- Который на синтезаторе музыку пишет?
- Да. Помнишь, мы смотрели «Бегущий по лезвию»?
- В открытом кинотеатре?
- Ага, помнишь?
- На Гиндзе?
- Ты еще пирожок с мясом купила.
- Да... было вкусно.
- А молоко, которое ты приобрела, было немного прокисшим.
- Так давно это было...
- А этот мужчина, он талантливый? Может, он имеет к музыке отношение?
- Нет, он вяленным мясом торгует. Знаешь, такое тонкое, мягкое, самое вкусное в мире.

При этих словах мужчина у моих ног засовывает мне язык между пальцев ног и радостно кивает.

- Я хотел бы его записать.
- Попробуй.
- Если хорошая мелодия, ее можно будет продать. Ко мне часто приходят ребята из «Ти-би-эс», им совсем недавно была нужна песня-заставка для телепередачи.
- Ему, похоже, очень сложно держать трубку во рту.
- Я тебя умоляю.

Фетишист соглашается, но при одном условии. Он садится на пол, раздвигает ноги, засовывает трубку в рот, а я, обхватив его пенис ступнями, начинаю мастурбировать. Но, вероятно, потому, что он уже один раз кончил, его член остается мягким, и мои потуги больше напоминают скатывание теста в колбаску. Результат отрицательный. Мелодии не получилось. Фетишист утверждает, что засунул трубку не так, как раньше, поэтому ничего не вышло. Похоже, он надеется на то, что песня, будучи записанной в качестве рекламы и заставки на телевидении, и вытекающие из этого преимущества поднимут продажи его вяленого мяса.

- Слушай, засунь микрофон прямо под язычок.

Я исполняю его просьбу, и тут же из динамика слышится возбужденный голос моего бывшего. Похоже, он все-таки нашел свою мелодию. Потом мы с фетишистом прослушали запись, но нам показалось, что ничего, кроме хрипа, на пленке нет.

У него никак не встает во второй раз, и он просит меня простимулировать его анус пальцем ноги. Я сначала отказываюсь, потому что боюсь, что под ногти мне забьются бактерии и кое-что другое, но он умоляет, чуть не плача, ссылаясь на то, что пошел навстречу просьбам моего бывшего. Когда он предлагает еще десять тысяч сверх обычного, я соглашаюсь и засовываю большой палец ноги в его задницу. У него наконец встает, и он кончает во второй раз.

Одевшись, он пригласил меня в бар на подземном этаже отеля.

В баре было полно людей. Он заказал себе виски со льдом, я – коктейль «Ширли Темпл». Потом он предложил рассказать о самом страшном событии в жизни, и я поделилась тем, как меня один раз преследовал какой-то мужик на велосипеде, когда я на Акихабара покупала магнитофон.

- Он был якудза?
- Нет, он за мной очень быстро ехал, а когда я оглянулась и спросила его, зачем он меня преследует, он вытаращил глаза и заорал на меня: «Не ходи по середине дороги!»

Фетишист рассмеялся так громко, что посетители бара за стойкой обернулись.

Затем он поведал свою историю:

– Ну, ты знаешь, что вяленое мясо изготавливают из говядины. У меня контракт с одним из поставщиков говядины, он держит хозяйство на окраине Нагои. Я больше всего забочусь о качестве своей продукции, поэтому предпочитаю очень тщательный отбор. Мы едем на ферму, когда телята еще маленькие, и высматриваем самых лучших. Был у меня один друг, Каварадзаки звали, в банке работал. Мы с ним на гольфе познакомились, часто друг у друга обедали, а он очень уж капусту кимчи любил. Так любил, что ел ее даже с тонко нарезанной говядиной сукияки, и в холодный тофу добавлял, словом, не было ни дня, чтобы он не ел кимчи. А несло от него ею так, что невозможно было рядом стоять. Может, из-за этого у него и с женой не ладилось, а надо сказать, жена у него была хорошая женщина, немного похожа на Вакико Кано. Я много раз становился свидетелем довольно откровенных сцен, когда приходил к ним домой. Сам-то я, конечно, не принимал участия, я вообще к обычному сексу интереса не имею. Так вот, когда же это случилось, да, два года назад, Каварадзаки покинул сей мир. Что-то у него там с печенью было, он даже в больницу лег на два месяца, но так и не смог восстановиться. Его вдова вернулась к себе на родину, в город Гифу, и несколько раз писала мне, чтобы я приезжал к ней на праздники или просто так, но я был занят и так никуда и не поехал. И вдруг полгода назад на одном отборе я вижу, что один теленок похож на Каварадзаки! Ну, сложно сказать, что корова похожа на человека, но я тысячи коров уже перевидал и могу различать их, могу сказать, что у них у всех морды разные. Когда я того теленка увидел, тут же остановился как вкопанный, потому что мне сразу показалось, что он на кого-то похож. А он на меня жалобно посмотрел, глаза опустил, промычал «му-у-у» и снова посмотрел на меня. Вот тогда я понял, что он похож на Каварадзаки, и мне стало страшно. Но я не мог упустить такой шанс и тут же послал за кимчи. Обычная корова вряд ли будет кимчи есть. Я намешал ее в сено и поднес к теленку, он радостно замычал «му-у-у» и все съел. Я тогда дал ему только кимчи, а он снова «му-у-у» и опять съел! Тут у меня коленки от страха задрожали, и я позвал его по имени. А потом купил его и поехал к его вдове с фотографией. Но она коров до этого никогда не видела толком, поэтому так и не смогла понять, похож он на ее мужа или нет.

– И что с ним потом случилось?

– Я его на мясо пустил. Череп хотел жене отдать, но ей не понравилось, да и мне было противно, вот я и отдал его в школу, он теперь у них там живой уголок украшает.

Фетишист постоянно щупал нижнюю челюсть и беспокойно повторял: «Хорошо, что не выскочила».

Когда я вернулась в клуб, менеджер с женой приготовили мне рисовую кашу по-европейски, с сыром, от которой мне стало тепло. В двенадцатом часу мне позвонили, и я снова пошла в отель. Клиентом оказался окулист. Он попросил связать его так сильно, насколько это было возможно. У меня это никогда не получалось, поэтому я вся взмокла, пока старалась. Я возбуждаюсь, когда связываю клиентов, но только если они молодые и нравятся мне, а этот был лысым не по годам и с запахом изо рта. Сорок веревок мне пришлось завязывать в течение сорока минут. Затем я засунула ему шарик в рот и оставила валяться на постели, словно предмет интерьера. Через десять минут я ослабила веревки, чтобы восстановить кровообращение, но это время показалось мне скучнейшим за всю мою жизнь. Сначала я пыталась представить, что пенис врача – это сигара, и курила его. А потом это мне надоело, и я включила телевизор. Было уже слишком поздно, ничего не показывали, и я снова позвонила своему бывшему любовнику.

Он дал мне послушать музыку, которую написал, взяв за основу хрипы фетишиста. Она не была похожа ни на одну мелодию, которую я когда-либо слышала. В ней был и рык огромного зверя, и шум волны. Я, закрыв глаза, отдавалась этим звукам. Среди них оказался звук, напоминающий высокие ноты фортепиано, рассыпающиеся мириадами, словно звезды на ясном ночном небе. Он грел мне душу и уносил далеко-далеко, но когда я вновь открыла глаза, передо

мной корчился от удовольствия перебинтованный, словно мумия, веревками мазохист, которому я тыкала в задницу ногой.

Женщина с кривым носом

Не хочу быть неправильно понятой, поэтому вначале всегда говорю клиентам, что раньше была красивой. Они по-разному реагируют, кто-то морщит физиономию, кто-то смеется или улыбается. Я предпочитаю, конечно, чтобы улыбались.

Естественно, я вру, что раньше была симпатичной. Но кругом полным-полно девушек куда более уродливых, грязных и бедных, нежели я. Один раз я была во французском ресторане с богатым клиентом и ела там холодный трехслойный суп – вишисуаза, парисуаза и еще чего-то, и все слои с разной консистенцией. Подозрительным был этот ресторан. И вульгарным. За стойкой что-то жарил молодой повар, надувая пузыри из жевательной резинки. Я не знаю, как именно выглядят рестораны высшего класса, но этот определенно не был таковым.

В детстве мы точно так же разделялись на три группы подобно этому трехслойному супу: богатые и красивые девочки, обычные и грязные и бедные. Могу поклясться перед Богом, я была самой обычной. Ну, точно не была ненормальной. В моем офисе полно девчонок с просто ужасным прошлым. Есть такие, которые ходили по рукам, есть те, кого заражали венерическими заболеваниями, а есть и такие, кого насиловали отцы. Они так непринужденно рассказывают об этом только для того, чтобы на этом не заикливаться, на самом же деле все не так просто.

Мой отец работал офисным служащим, играл в гольф, имел машину и пуделя, и в нашем холодном городишке, на севере Тохоку, считался жителем мегаполиса. В нашем доме была веранда, что, в общем, удивительно для этого города. Летом мы часто устраивали здесь фейерверки. Пол на веранде был бетонным, поэтому тут можно было без проблем их запускать. На полу оставались следы, и, когда заканчивалось короткое лето, они служили мне в качестве символа счастья.

Первый год учебы в колледже я прожила со студентом из правых, помешанным на татуировках. Мне кажется, это как-то связано с тем, что мой отец покончил жизнь самоубийством за три года до этого. Отец обожал подстригать своего пуделя, он и сам сильно походил на своего питомца. Поскольку пес искренне любил меня, я отвечала ему тем же, но в душе ненавидела и пуделей, и мужчин, похожих на них. Ведь мне нравились сильные мужики.

Мой сожитель занимался карате, а на самом деле был просто извращенцем. Один раз пытался засунуть мне в задний проход кусок туалетного мыла, и когда я, рыдая, стала отбиваться, ударил меня кулаком и разбил мне нос. А потом пнул так, что я упала и стесала себе локти. Через полгода он уехал в Иран обучать карате служащих ВВС. Однажды он прислал мне фотографию, где стоял со смуглыми парнями в униформе и с ТТ в руках. Но на тот момент я жила уже с другим мужчиной.

Он работал водителем такси и был старше меня на целых десять лет. Он относился к тем пуделям, о которых я уже говорила. Таксист носил бандаж для живота, не снимая. Говорил, что во время вождения он необходим, иначе что-то может случиться с его желудком. Мужчина вроде бы и хотел жениться на мне, но я не была такой дурой, чтобы доверять мужикам, настроенным на брак со мной. Несмотря на это, я прожила с этим пуделем целых шесть лет. Он усердно работал и много мне покупал: акриловый джемпер, чисто синтетическое платье; пальто с содержанием полиэстера девяносто процентов, ожерелья из кораллов и морских ракушек. Он работал по шестнадцать часов в день. Настоящие пудели, конечно, так не работают, они прежде всего любимые питомцы, а не служебные собаки.

Он возвращался домой усталый, шел в круглосуточную сауну, заходил в киоск на станции, брал остывшие кусочки курицы якитори, которые я покупала ему заранее, пил пиво, рассказывал о сегодняшних клиентах, а потом забирался на меня, не снимая бандажа. Я в такие

моменты представляла себе, как парень, который хотел засунуть мне кусок мыла в задний проход, расстреливает людей из пулемета.

Как-то раз мы ездили знакомиться с его родителями, мне было тогда двадцать три года. Его дом находился на острове Сикоку, и пока мы плыли, меня укачало.

Я впервые была на корабле, естественно, что меня укачало, но не могу сказать, что это было неприятно. Когда собственное тело перестает принадлежать тебе, невозможно понять, приятно это или нет. Шея и кончики пальцев немели, и меня сильно рвало, словно я пыталась выблевать свои внутренности. Он постоянно твердил мне, что два месяца копил деньги на эту поездку, а мне хотелось, чтобы он сдох, потому что он продолжал говорить мне это, даже когда меня рвало. Один раз я увидела его на палубе из окна туалета и мысленно попросила проходящего мимо него солдата столкнуть пуделя за борт.

Его родители жили в доме в тупике на вершине холма. Его отец сразу же спросил меня о моем носе, я даже и чаю не успела отхлебнуть. Терпеть не могу таких людей. Мне было плохо, недомогание от морской болезни еще не прошло, и мне надоел мой таксист, с которым я встречалась уже четыре с половиной года. И какое вообще право имел его воняющий п#отом отец говорить что-то про мой нос?! Переночевав одну ночь, я на следующий день заявила, что хочу вернуться в Токио. Но у него были планы на три дня: он собирался показать мне мост, ботанический сад и обсерваторию.

По возвращении в Токио он заявил мне, что я произвела плохое впечатление на его родителей. Я ответила, что только дураки при первой встрече с человеком задают подобные вопросы о носе. За это он поколотил меня впервые за четыре с половиной года совместной жизни. Меня и раньше избивал мой каратист, поэтому я даже не испугалась. В тот день я расписала ему историю своего сломанного носа. Рассказала и нечто большее, как каратист каждый день трахал меня в рот и в зад. Я смеялась, вспоминая прошлое, а он схватил с плиты кастрюлю с кипятком и выплеснул на меня. Кипяток попал мне на ноги, я закричала и начала кататься по полу. Почему-то в этот момент я вспоминала член каратиста. Таксист заплакал, начал доставать лед из холодильника, искать ментоловый бальзам, непрерывно прося у меня прощения. Я прямо с ошпаренными ногами расстегнула ему ширинку и уверила его, что прощаю. Он сказал, что ему плохо, просил прекратить, но в итоге занялся со мной сексом.

В тот день, когда исполнилось полгода после аборта, я отправилась в обувной магазин на Гиндза за розовыми сандалиями. И пока продавец рассматривал следы от ожогов на моей ноге, я захотела заняться сексом с моим мужчиной. Я позвонила в его фирму, но он был на вызове, тогда я пошла с первым незнакомцем, заговорившим со мной, и переспала с ним. После этого мне впервые заплатили за секс.

Мне понравилось, как мужчина рассматривал красивый розовый рубец от ожога на моей правой ноге. Цвет шрама был необычно прозрачным, словно лепесток бутона розы. Поэтому я решила найти себе мужчину, который будет целовать мой розовый шрам.

Потом в течение года я рассталась со своим таксистом. Он попал в аварию, на шее у него красовался медицинский воротник, и в таком состоянии он хотел заняться со мной сексом. Я ударила его, он ответил, но я сломала ему палец и плюнула в него. Этому я научилась с тех пор, как занялась проституцией. На тот момент у меня было уже около трехсот тысяч заработанных денег, и я была преисполнена уверенности в своих силах.

Поначалу я работала в эскорт-услугах, но все изменилось после моего одиннадцатого клиента. Он поцеловал мой шрам и связал поясом от кимоно юката, а во время второй встречи уже кожаным ремнем и капал на меня воском от свечи. У меня остались такие приятные воспоминания, что я решила перейти в садомазо клуб на Акасака. Тогда мне было двадцать пять с половиной лет.

Когда мне исполнилось двадцать шесть, позвонил парень, сломавший мне нос. Сказал, что очень хочет встретиться, и довольно быстро появился в моей квартире на Ёёги. Теперь он

носил бороду, и от прикосновения к растительности на его лице мне начало казаться, будто и не было семи лет нашей разлуки. Он очень интересно рассказывал о партизанах. Утром следующего дня он ушел и больше никогда не возвращался, но после нашей встречи, если по телевизору показывали новости о Ближнем Востоке, я всегда переживала за арабов.

Каёко была старше меня на четыре года. Она была достаточно известна и снималась в порно. Я подружилась с ней. Уже через два дня после того, как меня переманили в клуб, где она работала, я стала сниматься в порно сама. Это было довольно просто: я сначала сидела на полу верхом на бутылке из-под фанты, а потом четыре часа занималась онанизмом. Каёко с девчонками хвалили меня. Там был один парень, помогавший с освещением, ему не было еще двадцати. Он сказал мне, что актрисой можно только родиться. В тот день я слишком много занималась онанизмом, но все же мы пошли с ним в район Синдзюку и пили до одури, любуясь на реку Добугава.

В комнате у него было много книг. Он с удовольствием выслушал мои рассказы про арабских партизан. Я завела разговор и о моем носе и шрамах на ноге, а он сказал, что такие вещи сильно ранят женское достоинство. Мне так понравился его ответ, что я решила жить вместе с ним у меня. Он приехал с Хоккайдо, в Токио учился в фотошколе, имел белую, как у девушки, кожу и был очень умным. Его звали Тоуру. Тоуру уважал меня за то, что я была садомазохисткой, ведь, по сути, мне не было необходимости продавать свое тело. Еще Тоуру много меня снимал. Он любил безлюдные парки, станции метро поздно ночью, когда уже отошла последняя электричка, заброшенные квартиры. Он снимал меня в подобных местах постоянно, а еще водил в кино, театр и на концерты и познакомил со своими друзьями.

Один раз во время съемок порно он снова пришел помогать с освещением. Я везде платила за него, потому что у него не было денег, и его это напрягало, вот он и пытался заработать хотя бы немного. Но все пошло не так хорошо в этот раз. Двое моих партнеров переусердствовали, когда вставляли в меня вибратор, мне стало больно, и я заплакала по-настоящему. Тоуру разозлился и заорал на них, чтобы они прекратили. Его избил порноактер, бандит, весь в татуировках, и еще оператор добавил от себя. В тот день я поняла, что Тоуру любит меня.

Он сказал мне, что что-нибудь придумает с деньгами, и запретил сниматься в порно. Он позвонил родителям, у которых была фирма по обезвоживанию продуктов на Хоккайдо, наврал, что ему нужно семьсот тысяч на немецкий фотоаппарат, и мы на эти деньги уехали на остров Гуам на пять дней. Там было очень жарко, мы постоянно занимались сексом и загорали. Под солнцем мой шрам на ноге изменил цвет и стал темным. Когда мы вернулись в Токио, деньги закончились.

Тоуру позволял мне работать в Эс-эм-клубе. Он считал, что у женщины должна быть свобода выбора, и к тому же думал, что при моих наклонностях необязательно заниматься сексом в прямом смысле этого слова. Я, в свою очередь, избегала разговоров о том, чем занимаюсь, при нем. Но однажды мне предложили сто тысяч иен за анальный секс, и я согласилась. У клиента в члене было вживлено с десяток силиконовых шариков. Он измазал меня маслом, истратил целых три тубика, а потом начал иметь меня в анус. Моя задница потеряла девственность с каратистом, в нее свободно мог поместиться тот кусок мыла, который он хотел когда-то запихнуть в меня, поэтому я спокойно согласилась на секс. Но клиент так долго трахал меня силиконовыми шариками и еще засунул в анус свечу, что все порвал мне. Было очень больно, и текла кровь. Я не могла этого долго скрывать, и, когда мы ужинали спагетти, Тоуру заметил мое состояние. Он стал выпрашивать меня, и я ему все рассказала. Его тут же стошнило. Он начал было осматривать мои повреждения, пытаясь чем-нибудь полечить, но оттуда вдруг начала вытекать сперма того мужика с силиконовым членом. Он возмутился, но лично я не видела ничего предосудительного в этом и намекнула ему, что это стоило целых сто тысяч. На следующий день он ушел, оставив мне письмо. Задница заживала шесть дней.

Я снялась в пяти порнофильмах. Старалась, чтобы снимали только мое тело, а лица не было видно. Я очень уставала, но делала это отчасти потому, что втайне надеялась встретиться с Тоуру. Получилось это у меня всего один раз после его ухода. Я направилась в школу, где он учился. Когда он увидел меня, переменился в лице, подошел, взял за руку и пожелал мне счастья. Я, плача, пожелала ему того же, села в такси и уехала. Таксист увидел мой нос и спросил, занималась ли я боксом. Это стало последней каплей, я сорвалась, набросилась на него с заднего сиденья, схватила за шею и начала душить. Машина пошла влево, задела ограждение и врезалась в грузовик, стоявший на парковке. Таксист разбил голову, я тоже ударилась головой, и мое правое глазное яблоко сместилось к носу.

Я провалялась в больнице два месяца. С фирмой по вызову такси мы договорились обойтись без суда. Один раз меня навестил тот самый пудель, с которым мы прожили шесть лет. Наверное, услышал об аварии на работе.

Он рассказал о том, что женился, показал фотографии жены и детей. Мы ели печенье, которое он мне принес, и предавались воспоминаниям. Нам обоим было приятно видеть друг друга. Потом он погладил мой шрам на ноге и ушел.

Несмотря на две операции, глаз так и косил к носу. У меня закончились деньги, и по совету Каёко я уехала к себе домой, в свой родной город. С матерью я увиделась впервые за пять лет. Хотя она все знала о моей работе после того, как ее вызывали в полицию в связи с аварией, она ничего не сказала. Дом не изменился. На бетонном полу веранды по-прежнему виднелись следы от фейерверков.

Глаз иногда болел. Я решила вернуться в Токио и продолжить работу. Со сломанным носом, розовыми шрамами на ноге, с косым глазом у меня оказалось больше заказов, чем когда-либо. Я просто лучше всех терпела боль. Владелец оружейной лавки вызывал меня раз двенадцать в месяц и даже просил принадлежать исключительно ему.

Он купил мне темные очки от Ланвин, чтобы я скрывала свой искалеченный глаз. В тот день из вечерних газет я узнала, что мой каратист погиб в автокатастрофе. Я взяла у Каёко платье и отправилась на похороны. Когда я воскуривала палочки с благовониями, его друзья спросили меня, кто я. Я соврала, что мы встречались раньше в Иране.

Он часто снится мне по ночам. Во сне мы в пустыне, где-то, похоже, в Средней Азии. Мы с ним едем по пустыне, только не на верблюде, а на машине.

Мне скоро тридцать. Каёко сделала меня своей компаньонкой. Это не совсем обычная фирма, как вы понимаете. После того как во время работы мужчины льют мне расплавленный воск на задницу и спину, я прихожу домой и после душа рассматриваю оставшиеся следы. Я люблю боль, о которой напоминают эти следы. Они для меня как следы от фейерверков на бетонном полу родительской веранды.

Символы счастья.

Капустница

Он, похоже, был разочарован моим внешним видом. Единственное мое достоинство заключается в том, что я молода, а так у меня толстые веки, похожие на гусениц, бледные губы, похожие на гусениц, и пальцы на руках и ногах тоже похожи на гусениц. Да и вся я похожа на большую гусеницу, а самое худшее то, что он был достаточно молод. Мне двадцать лет, хотя, по правде говоря, далеко уже за двадцать. У моего друга есть брат, который еще на «той-оте-соарер» катался, его сейчас за наркоту посадили. Я спала с ним пару раз на татами, правда, у меня на заднице следы от татами отпечатались. Так вот, лет мне столько же, сколько и ему. Может, побольше даже.

– Добрый вечер, я из «Змеинового гнезда», – представилась я.

Он засмеялся:

– Звучит как название тренировочного зала для профессиональных рестлеров.

Его смех выдавал хорошее воспитание, и я успокоилась. Хотя именно такие воспитанные уроды и говорят потом что-то типа: «Засунь мне язык в задницу» или: «Разгладь мне яйца языком». Я вошла в комнату вся наготове, но сделав вид, что для меня подобная работа впервые. Не знаю, однако, поверил он или нет. Он был молод, и было заметно, что привык развлекаться. В его номере стояла огромная кровать, и я подумала: вот сука, такой молодой, а в каких роскошных номерах останавливается!

Пока я звонила в офис, он достал из ведерка со льдом, похожего на голову робота, бутылку, открыл ее и начал пить вино. Он совершал все такими привычными движениями, что стало понятно, он проделывал это не раз. Я тоже выпила вина и решила, что джин-тоник, который обычно пью вместе с ним, гораздо вкуснее. Внезапно он приказал мне показать ему задницу, и я тут же забыла о нем. Я спросила, можно ли сначала принять душ, но он ответил, что не собирается касаться моего тела, поэтому душ не нужен. А затем снова велел задрать юбку и повернуться к нему задницей. Видя мою нерешительность, он сказал, что, если я буду продолжать в том же духе, мне лучше будет вернуться домой. Вытащил из бумажника банкноту в десять тысяч иен и протянул мне. Нет бы мне тогда взять ее и уйти, но я подумала, что он богат и смогу заработать много денег сегодня, поэтому и повернулась к нему задницей. «Фу, что это?» – спросил он и ткнул мне кончиком ручки в прыщ на ягодице. Я ответила: «Прыщик». А он сказал, что, наверное, мне питательных веществ не хватает, что я, вероятно, ем только лапшу рамэн, вот у меня прыщи и появляются, как у филиппинских проституток, они все прыщавые ходят. Из-за подобного сравнения мне стало жутко обидно, я знала нескольких филиппинок, они у нас раньше работали, и меня это так задело, что даже слезы на глаза навернулись.

«Ты что, плачешь? Ну не дура ли?!» – воскликнул он, похлопывая меня по заднице, а затем сжал ее и так умело дотронулся до влагища, что я, несмотря на слезы, почувствовала, что вся намокла внизу, а еще действительно ощутила себя душой. Он приказал спрятать задницу, потому что она ужасна, достал еще двадцать тысяч и велел мне идти домой. Я попросила позволения остаться и заверила, что буду стараться изо всех сил. Не знаю даже, что на меня нашло. Видимо, это из-за того, что я всегда все бросаю на полпути, мне дедушка обычно это в укор ставил, вот и захотелось закончить начатое. Дед постоянно говорил, что очень важно, начав что-либо, не бросать посередине, и я с ним всегда соглашалась. Почему мне вдруг вспомнился мой любимый дедушка в таком месте, я не знаю, но мне стало грустно, и я заплакала.

Плача, я встала на пол на колени и, расстегнув молнию на его вельветовых штанах, хотела взять его член в рот, но он схватил меня за руку, отвел ее в сторону и сказал, чтобы я прекратила. А вот он так себя не ведет никогда. Даже если он обижается, можно заслужить его прощение, если долго сосать. Но этот парень, видимо, совсем другого типа.

«Я же тебе сказал, что заплачу, только уходи!» – потребовал он снова, но я ответила, что, если вернусь рано, меня будут ругать.

«Блин, что тут будешь делать? Ты голодная?» После моего утвердительного кивка он тут же отвел меня в бар на подземный этаж.

Бар был весь в золотом и черном цветах, там оказалось много выпивки, не виданной мной ранее, и официанты были очень высокого роста. Мне стало лучше, а он заказал мне сэндвич со стейком, положил его передо мной и обмолвился бармену, что у меня прыщик на заднице. Бармен, трясая шейкером, рассмеялся. Я, конечно, удивилась, зачем клиент такие вещи про меня всем рассказывает, но потом решила, что, может быть, в этом черно-золотом баре так принято, поэтому молча ела свой сэндвич. Было очень вкусно. Я сказала ему об этом, но он, не обращая на меня внимания, разговаривал с барменом о вьетнамке, которая наполовину француженка, наполовину китаянка и которую он хотел бы завалить. А бармен поделился с ним информацией о Нацуки из какого-то заведения на Гиндза, то ли «Мадонна», то ли «Кадонна». В общем, эта Нацуки приходила недавно одна, поймала портье и выпрашивала у него номер комнаты моего клиента, но тот ей не сказал, тогда она выпила полбутылки пойла и удрала. Мой клиент спросил, была ли она в кимоно, бармен кивнул, тогда клиент расстроился: «Вот блин», взял с моей тарелки маринованный овощ, положил себе в рот, но не проглотил, а оставил свисать изо рта на губе и произнес: «Но она так сосет, просто гений минета, если ее оставить на ночь, будет всю ночь сосать, а утром проснешься, все равно сосет». Они с барменом захохотали. Я, когда доела сэндвич, обратила внимание на то, что уже поздно и поезда больше не ходят. Тогда снова вспомнила дедушку. Он всегда говорил, что необходимо быть настороже, болейшь ты или, может быть, какаешь, никогда нельзя расслабляться. Но я с удовольствием разглядывала мясную подливку между хлебцами сэндвича, вот и забыла о последней электричке. На самом деле причина не только в этом. Я и раньше пропускала последний поезд, потому что просилась у мужчин остаться на ночь, и они все с радостью соглашались. Этот не горел желанием меня оставлять, но когда я попросила, сказал, что приведет женщину. Я поинтересовалась, можно ли мне будет поспать, но он захотел, чтобы я смотрела. Так будет интереснее для него. После двух ночи появилась красивая женщина с длинными волосами. Даже не посмотрела на меня, просто сказала, что на улице дождь. Ее одежда – дождевик, ботинки, рубашка, юбка – выглядела очень дорогой. Он попросил ее раздеться, но она ответила, что хочет, чтобы эта уродина ушла, подразумевая меня. Он снова велел ей раздеться, на этот раз она подчинилась. Я думала, что они займутся обычным сексом и что на этом все закончится, но они повели себя по-извращенски. Он приказал ей заняться онанизмом и тереться взмокшей писклой о стекло окна. Она выставила задницу и начала тереться о стекло на двадцать шестом этаже, затем, раздвинув ягодицы, спросила, можно ли ей кончить. Когда убрала свою задницу, стекло окна, в котором отражалась ночь, оказалось мокрым от ее липких выделений. Мне стало не по себе, и я попыталась вспомнить, как мы с дедушкой ловили капустниц. Тогда, весной, мы ходили на капустное поле. Там было белым-бело от только что родившихся бабочек. Дедушка ловил их без сачка, просто шляпой, по несколько десятков за раз. Потом я отнесла их в школу, и все меня хвалили, а дедушка, когда узнал об этом, был очень рад. Вдруг женщина закричала: «Больно!» Образ дедушки стал таять, начиная с головы. Соски женщины сжимали резиновые кольца, делая их похожими на баклажаны. Он растягивал кольца и крутил ими, словно пытался играть на гитаре, и они издавали вибрирующие звуки, затем он поставил женщину на колени и заставил ее сосать.

Я подумала, что мне тоже хочется пососать, но мужчина с женщиной своим поведением настолько замарали образ дедушкиных бабочек в моей душе, что я, заплавав, крикнула им: «Да идите вы!» Потом повторила: «Пошли вы!» Однако они не обращали на меня внимания, сосали и растягивали резиновые кольца дальше. Тогда я вскочила с постели, подбежала к ним вплотную и еще раз заорала: «Идите в жопу!» Он, даже не прекращая минета, схватил меня

за волосы, встряхнул и приказал идти спать. У меня из глаз потекли слезы, несколько слезинок упало на пол. Это было хорошо видно, и женщина радостно улыбнулась. Я тоже хорошо разглядела ее улыбку, и мне показалось, что все ее лицо блестит от слюны. Он еще тряс меня, держа за волосы, а я, плача, вопила: «Извращенцы, я вас прикончу, идиоты!» Теперь женщина не выдержала. Прекратив сосать, она повернулась ко мне и сказала: «Пусть она едет домой». Он крикнул: «Ну что?! Слышала?! Пошла отсюда!» – и отпустил меня. Я сказала, рыдая, что электрички больше не ходят. Тогда женщина спросила, вытирая губы, где я живу. Я ответила, что в Ураве. Она кивнула: «Далековато» – и закурила. У нее были тонкие пальцы. А еще у нее на заднице не было прыщей и пятен на теле, зато имелся небольшой животик, поскольку она была уже не совсем молода. Она сидела боком и курила. А я все плакала, что не смогу вернуться домой пешком, однако он показал на мою одежду, лежащую на стуле, и велел убираться. Его достоинство было влажным и блестело на свету. Я все время смотрела, как женщина делала ему минет, поэтому внизу у меня все взмокло, но я точно знала, что он не будет трахаться со мной, и мне стало жутко обидно. Я вдруг закричала таким странным голосом, что сама испугалась: «Пошли вы оба, извращенцы!» Женщина, смеясь, сказала, что сейчас появится охрана, а он достал из кошелька две бумажки по десять тысяч и велел поехать домой на такси. Я никогда на такси не возвращалась, поэтому даже не знала, сколько это может стоить, да и если *ему* денег не привезти, *он* может меня бросить. Он всегда так говорит. Я испугалась, выхватила у мужчины кошелек из рук и вытащила оттуда несколько бумажек по десять тысяч. Пытаясь вернуть свой кошелек, он схватил меня за волосы снова, а я укусила его за руку. «Ты вообще понимаешь, что делаешь? Это же воровство», – тон его голоса внезапно смягчился. Он стоял и потирал укушенную руку. Женщина затушила сигарету, встала и спросила: «Откуда ты? „Змеиное гнездо“? Я расскажу все вашему главному». У меня по спине побежали мурашки. Подумав о том, что меня уволят, если главный обо всем узнает, я вдруг ударила ее. Она поджала губы, схватила стоявший у стены зонтик и, целясь мне в глаз, ткнула. Я, закрыв глаза, увернулась, и удар пришелся мне в лоб, зонтик содрал кожу, и пошла кровь. Она попыталась еще раз ударить, но он остановил ее, а я вопила что-то, чего уже сама не помню. Когда я прокричала, что пожалуюсь господину Яя и он их убьет, клиент оставил женщину, повернулся ко мне с по-прежнему стоящим членом, приблизился и спросил низким голосом, из какой я группировки и откуда знаю господина Яя. Затем добавил, что я могу позвонить ему и позвать сюда. Я испугалась. Первым моим желанием было позвонить *ему*, он сам-то ни к какой банде не принадлежал, но у *него* были друзья, которые были в группировке. Конечно, он не знал ничего о моей работе, но я все же не удержалась и позвонила. Он ответил недовольным голосом. Мужчина выхватил у меня трубку и спросил *его*, действительно ли он из этой группировки. Он спросонья пробурчал, что ничего не понимает. Тогда клиент сказал: «У меня сейчас в номере твоя женщина, и она украла у меня семьдесят тысяч». Затем они еще немного поговорили, и клиент передал мне трубку. Он сказал мне, чтобы я делала так, как велел мужчина. Я начала канючить, но он рывкнул мне, что я дура, и повесил трубку. *Его* голос дрожал, поэтому я испугалась еще больше. Вернула деньги и уже собиралась выходить, как вдруг женщина произнесла: «Подожди. Вот теперь встань на колени и извинись!» Мужчина сказал: «Да ладно, пусть идет». Но она разозлилась не на шутку, и мне пришлось встать на колени. Когда я склонила голову, пара капель крови из моего разорванного лба упала на пол. Он, похоже, передумал, потому что велел мне оставаться в таком положении, потом задрал мне белье, снял трусы и поднял мою задницу выше. У меня сильно болел лоб, и я не очень хотела, чтобы мне сейчас вставили, но все же увлажнилась от его прикосновений. Он сначала только трогал и не вставлял мне. Внезапно я почувствовала, что моя задница стала невыносимо мокрой и холодной. Затем он взял мои руки и кожаным ремнем связал их за спиной так, что я не могла пошевелиться. И в этот момент что-то твердое вошло мне во влагалище. Я тут же поняла, что это вибратор. Он водил им взад-вперед медленно, и я, не удержавшись, застонала. Женщина протянула свои ступни к моему лицу и приказала

облизывать ей пальцы. Я сначала отрицательно помотала головой, но кровь снова капнула с моего лба, и несколько капель попали женщине на ногти. Цвет крови отличался от цвета ее педикюра, это было так красиво, что я открыла рот и начала облизывать ее большой палец. До этого мне никогда не приходилось брать в рот чужие пальцы ног. Они были гладкими, и я не чувствовала того, что обычно ощущаю, когда сосу *его* член. Подумав о том, что женщина, скорее всего, не принимала душ, у меня начались позывы тошноты, и я вспомнила, как, будучи в средней школе, я один раз видела, как моя самая красивая одноклассница в перерыве между занятиями стрижет себе ногти. Мне тогда почему-то стало интересно, и потом я эти ногти понюхала. Так вот, сейчас пальцы женщины пахли точно так же, как те ногти. От этого запаха у меня нос потерял чувствительность. Ягодицы тряслись, и я уже хотела кончить, как вдруг мужчина вытащил вибратор и надавил мне на клитор так, что задница осталась непроизвольно трястись от желания, а я, не подумав, выпустила пальцы ног женщины изо рта, за что получила от нее легкий пинок в нос. Я извинилась и продолжила их облизывать, начиная от большого и кончая маленьким. От того, что он вытаскивал вибратор каждый раз, когда я хотела кончить, моя задница устала. Тогда он перевернул меня на спину – по-прежнему с завязанными руками и согнутыми у груди коленями. Женщина обнажила свою письку прямо у меня перед глазами, а он, положив вибратор на пол, засадил ей. Она громко закричала, а из ее влагалища начала сочиться белая пенистая жидкость. Он приказал мне лизать там, где его член входил в нее, мне очень не хотелось, но пришлось это делать. Я плакала и повторяла им, чтобы они отпустили меня домой. Тогда он рассердился, вынул свой член, раздвинул мои ягодицы и глубоко засадил мне вибратор в задницу.

Было ужасно больно, и я подумала о том, что, когда вернусь к *нему*, попрошу намазать мне анус ментоловым бальзамом. Мне очень не нравится запах ментола, но вонь какашек мне не нравится еще больше, и я начала беспокоиться, что палец пропахнет какашками, если им намазать попу. Я пряталась в туалете на том этаже, где находился бар, и так плакала из-за того, что меня отымели в попу, что веки опухли. Я в первый раз так сильно рыдала, веки настолько отекали, что я не могла смотреть на себя в зеркало.

А еще я поняла, что не хочу, чтобы *он* видел меня в таком состоянии. Стрелки моих часов с Микки-Маусом показывали четыре часа утра. Я пряталась в туалетной кабинке, сев на стульчак прямо в юбке и трусах, в той позе, в какой обычно какают. А потом задумалась и нечаянно начала писать. Я хотела рассмеяться, но мне было так хреново, что даже и рассмеяться как следует не смогла. И тут мне подумалось, что правду говорят о людях, которые не могут смеяться, потому что с ними произошло что-то, пожар там или землетрясение. Выйдя из кабинки, чтобы посмотреть, спал ли отек, я глянула в зеркало. Но мое лицо по-прежнему оставалось таким же опухшим, как и раньше. Тут зашел охранник и спросил меня, живу ли я в отеле. Я извинилась и ответила, что всего лишь воспользовалась туалетом. Тогда он окинул меня с ног до головы взглядом и остался стоять. Делать было нечего, мне пришлось уйти из туалета, опустив глаза. Я пересекла холл, который подметал какой-то сухой старик, и вышла из отеля. Охранник все это время брел за мной следом.

Услышав слово «Урава», таксист обрадованно постучал по стеклу правой рукой, приглашая меня сесть. Затем пробормотал удивленно: «А, даже такая волна есть», увеличил громкость радио и стал подпевать Сабуро Китасима. У меня одновременно болели и разодранный лоб, и задница. Задумавшись о нити, которая могла бы соединять два этих больных места, я вдруг вспомнила о том, как той женщине надевали на соски черные резинки и скручивали их.

Водитель посмотрел на меня в зеркало заднего вида и, улыбнувшись, сказал: «Поздняя работа, да?» Вот гад, подумала я. Ведь знает, что я проститутка, и делает вид, что тупой. Но он оказался совсем не таким. Он очень много работал, на прежнем месте у него были неприятности, он задолжал крупную сумму, продал дом и теперь ютился в маленькой квартирке. Сыну, который учился в старшей школе, он не мог ничего купить, из-за этого у них возникли

разногласия, тот перестал его уважать, даже до драки дело дошло, а ведь проиграть оппоненту физически – значит проиграть ему морально. Так что, несмотря на свою маленькую зарплату водителя, он пошел еще заниматься карате. Когда я услышала все это, я начала его уважать и даже поделилась с ним своими чувствами. Ему понравилось, и он обрадовался. Но, похоже, что главная стычка между ними уже случилась. Водитель занимался карате по утрам на спортивном поле младшей школы, где когда-то учился его сын. Но сын был крупной комплекции и изначально имел все шансы на победу, да и к тому же занятия карате не продлились больше одного месяца, так что даже удачный удар не мог быть эффективным. Однако сына это очень расстроило, он даже расплакался и спросил, почему отец не может бить в полную силу. А потом он ушел из дома, и выглядело это прямо как в какой-нибудь телевизионной драме. Я даже позавидовала мужчинам, ведь у них могут быть товарищеские чувства, а еще у них нет влагалища, они всегда чисты и свободны. Я выпалила это таксисту, а он спросил меня, что со мной произошло. Я сначала молчала, но потом решила, что человеку, который специально занимался карате, чтобы сразиться с сыном, можно сказать все что угодно. Я сообщила, что папа у меня держит маленький магазин по продаже косметики, мама занимается там же продажами, старший брат раньше был профессиональным игроком в волейбол, а сейчас работает в типографии, и еще у меня есть младшая сестра, толще, чем я. «А ты чем занимаешься?» – поинтересовался он. Я ответила что-то неопределенное, а он предположил, что, наверное, мама с папой очень беспокоятся за меня. Мне стало неприятно, и я соврала, что работаю спутницей на различных вечеринках. Неумелая была ложь, я ведь совсем не выгляжу как спутница. Таксист начал читать лекцию на тему того, что можно, конечно, что угодно сказать незнакомому человеку, но совершенно необходимо иметь достоинство, потому что если оно будет, то даже при всех трудностях и проблемах ты не сломаешься внутри. Я не совсем поняла, что значит сломаться, однако вспомнила, как облизывала пальцы ног той женщине в отеле, и решила, что это как-то связано. Мне подумалось, что не все так плохо, я ведь всегда не только получала от кого-то за что-то, но и могла ответить. Хотя устаешь от этих всех «ты не так посмотрела», «не наглей», «извинись». Когда я облизывала ей пальцы и меня трахали в задницу, из моего тела как будто что-то ушло. И там внизу совсем другие ощущения были. Во время секса с *ним* я чувствую себя некрасивой, а сегодня подобного не было. И хотя она на самом деле куколка, я об этом даже не думала. Может, потому, что я ото всего уже устала? У меня такие мысли уже бывали. Обычно это случается, когда мне грустно или *он* напьется, напихает мне овощей во влагалище, потащит в ванную за волосы и напишет там на меня.

Уже начало светать, когда мы подъехали к Сайтама. Таксист все еще продолжал говорить о достоинстве, а у меня из раны на лбу снова пошла кровь. Мне уже было не до чувства обиды из-за всего, что со мной сделали, просто казалось, что я потеряла все силы, будто кончила. Я заплакала. Мне стало казаться, что широко раздвинутые ноги той женщины, ее круглая задница и колышущиеся груди – это так естественно и очень красиво. А я со своей кожей, толстыми веками, вогнутыми ногтями и прыщами на попе совсем не подхожу этому миру. Я вообще не человек, а так, картофельный червь, паразит. С такими мыслями я подошла к *его* квартире.

Свет был включен. Я взяла молоко и газету у входа и зашла, но *его* не было дома. Кровать была расстелена, но оказалась холодной, и мне почудилось, что *он* ушел погулять. Полистала комикс, но потом вспомнила, что *он* по утрам никуда не ходит гулять, заволновалась, открыла *его* ящик и увидела, что там нет ни чековой книжки, ни *его* печати, ни темных очков, которые *он* так любит. Я испугалась, не настолько светло было на улице, чтобы ходить в темных очках. Я позвала *его* по имени, но в ответ только услышала, как капает вода из крана на кухне. Мне никогда не нравился этот звук, поэтому я изо всех сил стала закручивать кран, но у меня ничего не получилось. От усилий вновь разболелся анус, и я пошла в ванную за ментоловым бальзамом. На стене была прикреплена записка.

Дура! Я тебя ненавижу!

Намазывая анус бальзамом, я перечитала записку сотни раз. Затем вдохнула запах ментола и поняла, что на этот раз помириться просто трахнувшись нам не удастся. Я вытерла бальзам салфеткой. Было больно.

Электрички и автобусы еще не ходили, а на такси денег у *него* не было. Вычислив, что *он* мог отправиться только к своему другу, который жил неподалеку, за банями, я пошла туда. *Он* спал, завернувшись с головой в одеяло. Я позвала *его* по имени, но *он* не откликнулся, и мне снова стало страшно. Я вышла, присела на железные ступеньки и открыла зеркальце. Веки у меня были опухшими и походили на гусениц. От холодных ступеней у меня снова разболелось в заднице, и я заплакала, но убедила себя в том, что хорошо сделала, вытерев бальзам. Вернувшись в комнату, я потрясла *его* за плечо. По тому, как оно было напряжено, я поняла, что *он* не спал. Может, *он* меня побьет, я потом сососу и все закончится? Стиснув зубы, я продолжала трясти *его* за плечо и звать по имени, как вдруг *он* повернулся ко мне с открытыми глазами. От радости я заплакала и бросилась *ему* на шею, но *он* не обнял меня и не ударил, а просто сказал: «Все». Я не поняла, о чем *он*, зарылась к *нему* под одеяло и через трусы нащупала *его* член. Он был мягким, и я решила начать. *Он* выругался и пнул меня коленом в лоб. Кровь залила мне лицо и попала в глаза, и я на секунду вдруг представила себе, как она переливается через мои выбритые брови и направляется к векам. В моем воображении это походило на паровоз, переправляющийся через горы. Я хотела стянуть с *него* трусы, но *он* встал, надел штаны, схватил меня за волосы, протащил до входной двери, отпустил, сказав: «Не трогай меня!», взял кожаные сандалии и пнул меня в бедро. Несколько моих волос обвилось вокруг сандалий, и я поняла, что хочу *его*. Плача, я задрала юбку, стянула трусы, но *он* вдруг тихим голосом произнес: «Извини, все, закончили». У меня в голове внезапно стало пусто, глаза почти не видели из-за крови, болело бедро, и я со спущенными до щиколоток трусами выскочила на улицу. Я брела, плача во весь голос, так что все попадавшие на пути люди оглядывались. *Он* догнал меня, а я схватила *его* за руку и закричала: «Давай трахнемся, давай, давай!» *Он* переменялся в лице, оттолкнул меня, затем схватил бутылку с молоком, стоявшую перед дверью ближайшей закусочной, и разбил ее о землю. Осколки и белая жидкость разлетелись в разные стороны. Глядя на них залитыми кровью глазами, я поняла, что это капустное поле, на которое мы когда-то ходили с дедушкой. Капустное поле, усеянное только что вылупившимися из куколок и разлетающимися в разные стороны капустницами.

Фонарик

– Я только что вернулся из Нью-Йорка, – сказал он. – Кожа у белых женщин сухая и отвратительная. Я очень обрадовался, когда узнал, что наконец-то смогу заняться сексом с японкой. Однако неужели тут все такие же, как ты?

А затем позвонил в офис:

– Она, конечно, молодая, но все же этого недостаточно. Я заплачу за такси, только пришлите замену.

«Киёми, – позвала я еще одного человека внутри себя. – Опять меня называли уродиной».

Ничего не поделаешь, дорогая, ты же и есть уродина. Лучше подумай о том, что из этого отеля вид красивый. Похоже на Гонконг.

«Киёми, ты что, была в Гонконге?»

Я везде была. В Гонконге господин Кавамура из банка Сумитомо взял меня в секретный клуб. Это было старое здание без единой таблички или вывески на фасаде. Мы поднялись по железной лестнице на третий этаж, там была толстенная деревянная дверь с окошком размером с ладонь. Оно открылось, затем надо было произнести пароль, на чешском или сербском, не знаю точно. Это из-за того, что туда приезжает много народу из Восточной Европы.

Так вот, дверь открыл бывший профессиональный рестлер, здоровяк под два метра ростом со сломанным носом. По обеим сторонам длинного коридора развешаны розовые занавески. Из комнат за ними льются звуки джаза и смех женщин, приехавших из всех стран мира. Слышатся и нескромные возгласы, а также есть несколько голых женщин, гуляющих туда-сюда.

«А что ты делала там?»

Я просто смотрела. Это было нечто вроде стажировки.

«А где ты познакомилась с этим господином Кавамура?»

В одном отеле в Коулуне, «Мандарин Палас». Он окликнул меня, когда я была в комнате отдыха. Такой высокий одинокий джентльмен.

– Чего ты там бормочешь? – клиент помахал трубкой у меня перед носом. – Они хотят с тобой поговорить.

Я посмотрела на ночной пейзаж из окна отеля, который Киёми назвала гонконгским, и взяла трубку.

– Ты в каком виде пришла? – обрушилась на меня старшая. – Я же говорила, что надо быть опрятной! Ты нарядилась? Может, у тебя грязь под ногтями?

Действительно, грязь. И как она узнала? Мне даже стало немного страшно. Я пришла в джинсах четырехлетней давности и блузке, купленной в магазине рядом с домом за тысячу девятьсот восемьдесят иен. А сегодня целый день дремала, ела быстрорастворимую лапшу, читала «Семь женщин» и между делом смотрела телевизор. Поэтому и не нарядилась. И даже не надушилась. Но как, интересно, она об этом узнала?

Он дал мне десять тысяч на такси, и я решила вернуться домой. Такси до отеля не стоило и двух тысяч иен, да и метро еще работало, поэтому получилось так, что я заработала восемь тысяч, не снимая трусов.

А это значит, я смогу что-нибудь вкусное съесть. И поговорить с Киёми в свое удовольствие. А с ней можно разговаривать на любые темы, она знает все обо всем.

Я сначала вернулась домой, но там было скучно, и отправилась в ближайший бар. В пятницу вечером было много народу, и единственные свободные места оказались лишь у барной стойки.

– Вы не выпьете со мной пива? – окликнул меня сидящий рядом мужчина. – Пиво очень сочетается со спагетти.

Я и так пива хотела. Да и грех отказываться от такого приглашения девушке, которая родилась под знаком Рыб, имеет первую группу крови, последний ребенок в семье, которую воспитывала бабушка и которая к тому же некрасива и толста.

– В пасте есть сложные углеводы, они очень полезны для здоровья, – снова сказал мужчина.

Я не знаю, что такое паста. Но зато Киёми знает.

«Киёми, а что такое паста?»

Так называют спагетти, или лазанью, или подобные им блюда в итальянской кухне.

Когда я разговариваю с Киёми, люди вокруг обычно пугаются, но этот, представившийся спортивным диетологом, напротив, улыбнулся:

– Ты прикольная! А ты с Киёми когда познакомилась? Или вы с рождения вместе?

Я не хотела рассказывать о моей дорогой Киёми кому попало и вот так запросто, поэтому решила промолчать.

– Не хочешь рассказывать? Ты знаешь, я сейчас хоть и диетологией занимаюсь, но это случилось так потому, что в двадцать восемь лет я серьезно заболел и вылечиться мог, только если бы изменил свой рацион питания. Тогда мне пришлось вернуться в университет и снова учиться. А так я психолог, так что вовсе не хочу над тобой посмеяться, просто мне действительно интересно.

Киёми сказала, что все в порядке, и я решилась.

– Я не помню, когда мы с ней подружились. Так ведь никто не помнит, когда начинаются дружеские отношения между людьми.

– Ладно, мне в общих чертах. Это было в детском саду, младшей школе или недавно?

– В старшей школе.

– Она появилась внезапно?

В баре было шумно, поэтому я пригласила его к себе домой. Как только он вошел в комнату, его лицо скривилось. Он чрезвычайно осторожно прошел по полу к софе, стараясь не запачкать свои носки. Затем сел, предварительно отодвинув все, что лежало на диване: мое нижнее белье, старые газеты, журналы, косметику, остатки еды из «Макдоналдса», салфетки, бутылки из-под кетчупа, порванные игрушки, пепельницу, доверху набитую окурками, фломастеры, монетки по десять иен, крошки от крекеров, трупки мотыльков.

– Классная комната.

– Не люблю убираться.

– Вообще никогда?

– Когда Киёми сильно попросит, а вообще мне не нравится двигать вещи.

– А Киёми появилась внезапно?

– Во время утреннего приветствия.

– Приветствия?!

– Мы все направлялись в школьный садик для утреннего приветствия и послушать о том, что скажет нам директор, это бывало по понедельникам. Так вот однажды мне показалось, что я слышу чей-то голос.

Мне всегда было плохо на утренних приветствиях, на церемониях по случаю окончания школы или перехода в другой класс, по случаю начала нового учебного года – словом, когда все ученики собирались большой толпой. Иногда у меня кружилась голова, и я падала в обморок. В один из таких моментов учитель сказал, что у меня малокровие, и меня отвезли в больницу. Но там ничего подобного не нашли и отправили меня к психиатру.

Мои родители держали небольшой магазинчик по продаже всякой всячины, у меня было шестеро братьев и сестер, никто из моих родственников никогда к психиатру не обращался,

дорого это, да и отношение после этого к тебе плохое будет со стороны других, к психиатру пошел – значит, псих. В итоге я никуда не стала обращаться.

– А что значит «было плохо»?

– Мне начинало казаться, что пейзаж вокруг меняется, начинает бежать, не так, как обычно бывает, если плывешь, например, по реке на корабле, а как будто я становлюсь маленькой-премаленькой и все окружающее меня начинает удаляться. Выстроившиеся вокруг школы превращались в огромные деревья или в гигантские каменные изваяния. Мне начинало казаться, что меня сжимает со всех сторон, и меня охватывал страх быть раздавленной.

– Этот страх как-то связан с Киёми?

В комнате было жарко, может, воздух застоялся. Он снял пиджак, и я почувствовала запах его пота, смешавшийся с запахом одеколона.

– Да откуда мне знать!

Затем я вдруг решила сменить тему и рассказала о том, что я торгую своим телом, но он отнесся к этому спокойно и даже не удивился.

– Итак, сначала был голос?

– Да.

– Она заговорила с тобой?

– Ага. Она поздоровалась со мной, а я подумала еще, кто это разговаривает. Начала оглядываться, смотреть по сторонам, но никого не обнаружила. Обычно со мной никто никогда не разговаривает.

– И давно так?

– Как?

– Что с тобой никто не разговаривает.

– Иногда здороваются, правда.

– А что сказала Киёми?

– Она сказала, что я хороший человек и что я могу называть ее Киёми. А еще, что она хочет со мной подружиться.

– И? Ты не подумала, что это странно, слышать голоса?

– Она мне все объяснила.

– Что?

– Киёми рассказала, что она это... ну я сама из Сайтама, а она родилась в Иокогаме, в семье известного в стране этого... ну, который с пианино...

– Пианист?

– Нет, у него еще камертон.

– Настройщик?

– Да, она была дочерью настройщика. Ну, ты знаешь, что среди настройщиков много таких, кто хотел стать пианистом и не сложилось. Ее отец тоже, похоже, был из таких, и он очень хотел, чтобы Киёми стала пианисткой вместо него. Он постоянно заставлял ее заниматься и был очень строг на занятиях. Киёми, конечно, была талантлива, в средней школе она выигрывала различные конкурсы, а потом ее учитель музыки, он был более склонен к вокалу, посоветовал ей заниматься пением. Это и послужило началом трагедии.

– Трагедии?

– Киёми действительно была очень талантлива. Ей много раз говорили, что в будущем она, возможно, будет представлять Японию как обладательница сопрано, но она внезапно потолстела.

– Понятно. Для хорошего вокала необходимо принимать достаточно питательных веществ.

– Нет, она заболела болезнью сопрано.

– А что это такое?

– Это, когда поешь, от высокого регистра голоса появляются особые вибрации, они каким-то образом действуют на черепную коробку, а потом появляются различные проблемы... У Киёми, например, нарушился баланс гормонов из-за того, что вибрации затронули что-то в мозгу.

– И она потолстела?

– Да, для нее это было невыносимо. Она ведь всегда была красавицей, а тут... Так она начала изводить себя диетами.

– Диета – это мое. Могу сказать, что похудеть и остаться здоровым возможно, если есть понемногу.

– Если бы она встретилась с таким человеком, как ты, тогда, может, и осталась бы жива.

– Так она умерла?

– Как бы она во мне находилась, если бы оставалась живой?

– А почему она выбрала тебя?

– Она со многими пыталась заговорить, но ответили ей только пятеро вместе со мной. Еще четверо это бомж, ночевавший под мостом в Синдзюку, глухая бабушка, сидящий в психушке алкоголик и шестилетний мальчик с тяжелым пороком сердца. Единственной ее надеждой могла быть только я.

– Надеждой?

– Если уж живешь внутри человека, лучше, наверное, если у вас будет о чем поговорить. Вряд ли она нашла бы общий язык с ребенком или алкоголиком.

Он пристально смотрел на меня. Я вспотела. Решила переодеться и сказала ему об этом. И сняла блузку прямо перед ним.

Ты хочешь с ним переспать? – спросила Киёми.

«Нет, что ты! Мне жарко, и я переодеваюсь».

Лучше бы спросила его, как похудеть. Пусть он тебя научит, как на диете правильно сидеть.

– Ты опять с Киёми?

– Она говорит, что я хочу с тобой заняться сексом.

– Я тоже так думаю.

– Можно и заняться.

С этими словами я хотела снять лифчик, но он отвел глаза в сторону. Я натянула поверх него спортивный джемпер.

– Почему ты думаешь, что Киёми красивая? Ты ведь только голос слышишь.

– Я ей верю. Я вообще верю всему, что она говорит. Мы ведь все время вместе, без доверия тут не проживешь. Мы даже ссоримся иногда, но доверять друг другу не перестаем.

– Ну, про нее я все понял, а что насчет тебя?

– В смысле?

– Ты не считаешь, что это все очень странно? Не так уж много людей, внутри которых кто-то обитает.

– Ты тоже хочешь?

Он рассмеялся.

– Мне и так хорошо. У тебя нет ничего выпить? Может, вина? – Он передал мне деньги. – Магазины уже закрыты, но можно купить что-нибудь в том баре.

Я положила десять тысяч, которые он дал мне, в кошелек и пошла в тот бар, где мы с ним встретились. Пока искала официантку, наткнулась на шестнадцатилетнего подростка, он начал меня обнимать, кусать за мочку уха, звать выпить с ним. Он был таким милым, прямо из рекламы кока-колы, и я не могла ему отказать. Я села за стол с его друзьями и, пока пила пиво, а он меня щупал, страшно захотела его, только он не стал со мной спать. Вместо него я отправилась в отель с парнем старше его и с ужасно кривыми зубами.

Когда я вышла из отеля, было уже три часа утра. Наверно, нехорошо по отношению к диетологу получилось. Я зашла в супермаркет и купила ему носки и фонарик с Микки-Маусом в подарок.

Однако в комнате свет был выключен, и моего нового знакомого не оказалось. Без него я вдруг почувствовала себя одинокой, легла на диван, где он сидел, и попыталась найти его запах. Обрадовалась, когда нашла, но Киёми сказала:

Дура. Хороший человек тебе попался, а ты его оставила и пошла трахаться с другим мужиком. Да ты хуже животного.

«Как ты поняла, что он хороший?»

Он интеллигент. Ты его позвала к себе, а он даже не полез к тебе.

«Да он женат».

Какая разница?!

«У него красивая жена, и он не станет трахаться с такой уродиной, как я».

Куча женатых мужиков с тобой трахается!

«Ты не знаешь, а мне один клиент рассказывал. Когда женщину заказывают по телефону и ждут потом, разное придумывают себе. Типа, а вдруг все-таки сейчас придет красавица или: не может быть женщина, торгующая собой, красивой. А потом приходит такая, как я, они и убеждаются, что были правы.

Не понимаю, о чем ты только говоришь!

«Киёми, я на тебя сержусь кое за что. Ты зачем сказала, что я хуже животного?»

Насчет животных: у меня с рождения были собаки, поэтому я очень хорошо понимаю, о чем говорю. Собаки не занимаются сексом, кроме как в период течки.

«А у тебя какие собаки были?»

И собаки гораздо лучше все понимают, нежели ты! То есть по сравнению с собакой ты дура просто!

«А у них были родословные?»

Конечно!

«А у тебя была собака длинношерстной породы?»

Была и длинношерстной породы.

«Как у аристократов за границей?»

У нас в семье все любили собак, собака была у каждого члена семьи, разной породы. Мама любила больших с длинной шерстью, у нее была пиренейская горная собака, мне всегда нравились поменьше и умные, такие как немецкий пойнтер или вай терьер.

«Я даже и пород таких не знаю, но в тебе не ошиблась. Я точно знала, что у тебя была собака с родословной. Я вообще сейчас о собаках впервые в жизни говорила».

Ты в отеле занималась оральным сексом?

«Ты видела? А ты разве никогда не занималась этим?»

О таком не говорят!

«Да делала точно, своему любимому! Какой он был? Наверное, высокий? У тебя был какой-то знакомый бейсболист?»

Был хоккеист.

«Он был известным?»

Он на Олимпийских играх выступал два раза, один раз как участник, другой раз как судья.

«Он, наверное, умный?»

Сейчас он живет в Канаде, работает адвокатом в одной фирме, занимающейся бизнесом с Японией.

«Ты с ним занималась оральным сексом?»

Я не такая помешанная на сексе, как ты, поэтому разговаривать на подобные темы отказываюсь. Да и, в конце концов, это не самое важное. Важно то, что ты замечательно провела время с отличным человеком, а вовсе не секс. Или я ошибаюсь?

«Я не знаю, я никогда ни с кем время не проводила. А у тебя были друзья, связанные с миром искусства, поэты, например?»

Был один, но я не хочу о нем говорить.

«А у него были какие-нибудь награды?»

Он был достаточно известен. Хотя у нас ничего путного не вышло.

«Наверное, у него были жена и ребенок, но он все равно любил Киёми».

Мы с ним даже хотели вместе покончить с собой. Он очень ребенка любил, да и не должны мы были быть вместе. В качестве места самоубийства мы выбрали Испанию. Там считают, что близость смерти рождает наслаждение. Так мой поэт отвез меня туда, но я в какой-то момент поняла, что будет бессмысленно, неправильно лишить его жизни, утром покинула наш отель в Барселоне и сбежала на Майорку. Ты не знаешь, конечно, но в Барселоне есть каменная аллея в стиле Жоана Миро, так вот, когда я по ней гуляла, пошел мелкий дождик, и мне стало так грустно, что прямо умереть захотелось. Вот тогда я решила, что не умру, буду бороться до конца! Все, конечно, очень противоречиво, но... Ты понимаешь, что я хочу сказать?

«Так романтично... Я тоже бы хотела раз в жизни так любить. Мне, конечно, не дано, но все же... Вот, например, сегодня, я хотела остаться на ночь в отеле потому, что была уставшая и спать тоже хотелось. Я же сказала ему, что это время не будет ему ничего стоить, но он обозвал меня убогой, надел штаны и ушел раньше меня, даже не попрощавшись. А еще показал *туда* и сказал, что все плохо. Я не могла после такого оставаться там одна».

Киёми надоело, и она не ответила. Я не стала включать свет в комнате и, освещая ее фонариком, купленным в подарок моему новому знакомому, продолжила разговаривать с Киёми. Поводя лучом фонарика туда-сюда по комнате, я обнаружила на столе записку.

Спасибо за все. Я ждал около часа, но потом ушел. Тебе звонили два раза, разумеется, я не стал брать трубку. Было бы неплохо встретиться еще раз. Позвони мне.

И телефон. Я подпрыгнула от радости. Тут же набрала номер, но на другом конце провода мне ответил автоответчик какого-то международного центра. Он сообщил, что на сегодня работа уже закончена. В конце записи было сообщение-памятка, похоже, от отдела диетологии. Звучала она следующим образом:

Уменьшите количество белков и жиров и сделайте упор на сложные углеводы!

Мне так понравился голос, читавший текст, что я прослушала его двенадцать раз.

Мне позвонили из офиса в четыре утра и сообщили, что в отеле в Западном Синдзюку меня ждет клиент. Мама-сан хотела, чтобы пошла именно я.

Может, из-за того, что я долго слушала запись, но у меня поднялось настроение, я даже умылась, надушилась, подвела глаза, накрасила губы, сделала маникюр и надела костюм, который мне тайком от папы купила мама на окончание школы.

В отеле на меня, как всегда, странно посмотрели. Однако на этот раз я выглядела более чем прилично, поэтому портю в фойе даже объяснил, куда мне идти. Клиент оказался каким-то тридцатилетним ювелиром с Кюсю. Он был пьян в стельку, заплатил сразу и попытался вставить мне сзади, но не смог, потому что у него не встал. Тогда я стала у него сосать, а он заснул прямо во время моих ласк.

Ты будешь звонить своему диетологу?

«Вот ты напомнила, теперь я не знаю, что делать», — солгала я.

Врешь. Ты ведь еще раз хочешь с ним встретиться.

«Ты сама сказала, что он хороший. А я плохая, я сегодня уже один раз плохо поступила. Хотя сейчас ничего такого не сделала, только пососала, правда ведь это ничего не значит. Мне даже никто не засовывал. Зато я сорок тысяч получила, могу ему теперь не просто носки с фонариком, а даже галстук купить».

Значит, все-таки встретишься с ним?

«Нельзя?»

Он знает нашу тайну.

«Но он был первым, кто спокойно это воспринял».

Киёми промолчала.

Я подождала до понедельника и снова позвонила своему диетологу. Когда чего-то ждешь с радостью, эта радость обычно распространяется и на другие твои надежды и ощущения.

Я проснулась в этот день, распахнула занавески и порадовалась хорошей погоде. Такого раньше не бывало, обычно я воспринимаю все проходящие события без особого восторга и довольно лениво. Но сегодня у меня особенный день. Я буду звонить мужчине, и не просто мужчине, который покупает мое тело за деньги, а мужчине, который заинтересовался мной. Потом я еще убралась, постирала, сделала себе спагетти, но не такую быстрорастворимую лапшу, как обычно, а нормальные макароны сварила и съела их, слушая радио. У меня было отличное настроение весь день, и я не могла ни о чем больше думать, кроме как о своем предстоящем звонке.

Я на самом деле всегда любила телефон. И хотя мне обычно было не с кем поговорить, я использовала телефонные службы и автоответчики фирм в целях общения.

Голос на пленке все же человеческий голос. Это гораздо лучше, чем ничего. Я многое слышала, пока звонила. В Токио общим счетом около пятисот телефонных служб, сложнее всего было дозвониться туда, где на автоответчике были записаны голоса известных актеров и певцов, там всегда было занято. Если позвонить в Нагано, тебе ответят голоса поющих птиц, в Никко тебя обрадуют рецептом приготовления пирожков мандзю, если набрать окинавский телефонный номер, ты услышишь шум прибоя. Я слушала и информацию о пробках на дорогах в выходные, и звуки секса между мужчиной и женщиной, и прикольные голоса трансформеров компании, производившей игрушки «Бандай», и пожелания здоровья от различных медицинских центров, куда звонила, вовсе не будучи больной. Но больше всего мне нравились прогнозы погоды. Они были такими простыми, и я могла за один вечер прослушать несколько десятков прогнозов для самых далеких от меня городов, это мне жутко нравилось, но счета за телефон мне приходили соответствующие.

– Здравствуйте, извините за тот вечер. Я так и не смогла выйти из того бара... – солгала я, и Киёми мне тут же на это указала.

Врешь ведь!

К своему удивлению, я восприняла ее голос спокойно, хотя раньше всегда волновалась, когда она заговаривала со мной.

Ты делала минет тому мужику с кривыми зубами!

– Да все нормально. Это я нехорошо поступил, что находился у девушки в комнате в ее отсутствие.

Я вообще не говорила, произносила только «да?», «и?», «правда?», зато вместо меня заливалась Киёми, а мне, хотя я и решила слушать только диетолога, было сложно следить за потоками мыслей обоих с двух сторон сразу.

Я догадывалась, что ты дура, но чтобы настолько ею быть! Ты не видишь, что ли? А я вижу! Ты сейчас разговариваешь с самым ужасным человеком на свете! Ты не понимаешь! Он отвратителен! Ну, вот сама подумай, стал бы к такой уродине, как ты, испытывать интерес нормальный человек с хорошей работой? Да он самый ужасный из всех тех, с кем ты когда-либо встречалась! Он и убить может глазом не моргнув!

– Ты сегодня не занята? У меня вечером не будет работы, может быть, как следует поужинаем где-нибудь? Например, в Акасака, за Ти-би-эс есть тихий итальянский ресторан, пойдем туда, скажем, в полшестого. А поскольку его сложно найти, встретимся в кафе перед Ти-би-эс.

Ты же ему сказала, что ты проститутка! Он даже не удивился, потому что все про тебя знает, слышишь?! Знает!

Мы сидели с ним в ресторане, где все было из мрамора: пол, стены, потолок. Он расспрашивал меня о моей семье, а я по-прежнему говорила только «да?», «и?», «правда?». Я никогда не видела настолько красивых официантов, а еда была такой необычной: невиданные мной никогда прежде моллюски, огромное количество рыбы, а ведь там, где я родилась, вообще моря нет, и для меня это было в диковинку. Я думала, что это кетчуп, а это и не кетчуп вовсе, кусала помидор, а он имел вкус сыра, в общем, все было настолько необычно, что я очень сильно напрягалась и не могла расслабиться. После еды я выпила вина. Может, оно мне поможет?

– А у тебя есть мечта?

Нет у меня никакой мечты.

– Например, обычно девушки мечтают об особняке у моря или в Европу съездить. Ты о чем-нибудь мечтаешь?

Я молчу. Они вдвоем постоянно болтают, и Киёми настаивает на том, чтобы я ушла домой. Убеждая меня, что он плохой.

– Мечта это очень важно, не правда ли? Ко мне приходят люди, желающие похудеть и стать прекрасными, это ведь тоже мечта. Но для того, чтобы воплотить ее в жизнь, недостаточно просто хотеть, понимаешь?

Киёми сначала мне приказывала, но поскольку я ей не отвечала, она начала меня предупреждать, а так как я проигнорировала и ее предупреждения, сменила тон на умоляющий и начала упрашивать меня вернуться.

Почему же ты меня не слушаешь?!

– Если приложить усилия, то любую мечту можно воплотить в жизнь.

Я, может, и послушала бы Киёми, но он постоянно болтает, да и голова от вина уже пошла кругом. К тому же я все время была очень напряжена и не смогла ответить ей, а пока я ей не отвечу, понять, что она хочет сказать, я не смогу.

– Ты меня и заинтересовала потому, что с самого начала было видно, что ты не стала лелеять свою мечту. У тебя нет уверенности в себе, ты считаешь себя уродиной. Но на самом деле ты ошибаешься. Ты красива. Наверное, у тебя близорукость и ты просто этого не замечаешь. Сейчас любая может быть признана красивой, если только приоденется и накрадется. Но в действительности это не так. Красиво – это изначально, без прикрас. Ты чего-то боишься, поэтому и думаешь, что у тебя внутри живет Киёми, но на самом деле этого нет. Ты смотрела «Сияние»?

Я хотела послушать Киёми потому, что до этого пару раз она оказывалась права. Она слезно просила меня чего-то не делать, и, послушавшись ее, я избежала такого, что просто страшно подумать. Первый раз случился, когда я после окончания школы работала в салоне красоты. Я должна была использовать в работе электроочиститель для лица. Киёми просто умоляла меня не касаться его, и, несмотря на то что я была на стажировке, я к нему не притрагивалась, за что и получала регулярно нагоняи от бабульки-менеджера. У этого очистителя, как потом оказалось, не было сертификата, и купили его у какого-то иностранца из Кобэ. На третий день один из посетителей получил удар током, и его увезли в больницу. А второй раз случился во сне. Мне приснилось, что я где-то в Южной Америке и ко мне пришла живая Киёми. Мы держались за руки, гуляли, а потом она сказала, что моя подруга Микико, с которой мы были неразлучны в средней школе, заболела.

Проснувшись, я тут же позвонила Микико, и мне сказали, что она действительно серьезно больна, у нее обнаружили заболевание мозга. Я пошла ее навестить, а когда возвра-

щалась в электричке, Киёми сказала мне, что пятого мая, в День детей, Микико не станет. Так и случилось.

– Не смотрела, значит... хороший фильм. Там есть герой, подросток, так вот, ему тоже кажется, что внутри него живет еще кто-то. Он обладал способностью к парапсихологии, но очень этого боялся. Поэтому убедил себя, что это не он парапсихолог, а кто-то другой, и этот кто-то живет внутри него. И он разговаривал с ним так же, как и ты с Киёми. Но у тебя немного другое. Конечно, вас что-то объединяет, и это страх. Я часто по работе встречаюсь с известными спортсменами и вот что могу сказать. У всех выдающихся спортсменов есть свои психотерапевты или психологи. Они пытаются разобраться со своими стрессами и страхами с научной, можно сказать, с философской точки зрения. Говорят же, что если спортсмен проиграл в важной игре, значит, он не может одолеть самого себя. Это правда. Если профессиональный игрок в гольф проигрывает игру, он начинает думать, что и по жизни стал неудачником. Что это, если не страх? Неудачнику по жизни некий голос принимается нашептывать все бросить, не стараться так сильно, не выигрывать. Ведь даже если проиграешь, ничего не произойдет. Так что на самом деле это не сам человек проигрывает.

Ты – это яркий пример, но ты крайность. У тебя есть мечта, достаточно сил, чтобы ее воплотить в жизнь, но она слишком серьезна, и в тебе живет страх, что она не будет воплощена в жизнь. Поэтому для ее реализации ты выдумываешь несуществующего человека, Киёми, я ведь сразу это понял! Понимаешь, о чем я? Киёми – это ты сама, и ты можешь стать Киёми.

Мечта у тебя была с самого детства. И ты боялась проиграть, потерпеть неудачу, воплощая ее в жизнь. Конечно, ты не стала зависеть от этого. Все опасаются, но меня больше всего в тебе поразило то, что твоя мечта, Киёми, очень четкая и конкретная.

А знаешь, это очень важно. Раньше существовала телепередача, там был герой, Перри Мейсон, он сказал такую фразу: «Тот, кто точно не знает, чего он хочет, никогда этого не получит». Я стараюсь не забывать эти слова.

Понимаешь, ты в курсе всего, вплоть до мелочей, о Киёми, потому что ты знаешь, чего ты хочешь. И это замечательно! Однако ты всю свою мечту отдаешь Киёми, я думаю, это ошибка. Я тебе помогу, мы получим твою мечту обратно от Киёми и вместе воплотим ее!

Я не понимала, о чем он говорит. Вдобавок Киёми кричала что-то постоянно в моей голове. Я пила красно-фиолетовое красивое вино не переставая, от этого у меня разболелись виски и кончики пальцев. Мне очень хотелось заняться сексом, я даже хотела позвонить в офис, чтобы они нашли мне клиента, но он предложил выпить еще и отвел меня к себе домой, в семиэтажное здание на задворках Аояма. Киёми продолжала кричать о том, чтобы я не ходила туда.

Огромная квартира-студия, куда отвел меня диетолог, была в три раза больше моей. Она словно сошла со страниц журнала. Там стояли огромный телевизор, и барная стойка, и покрытый блестящим материалом диван, которого так и хотелось коснуться. Диетолог показал мне старый фильм на лазерном диске и рассказал, что худую актрису зовут Одри Хепберн.

Я тебя умоляю, ну вернись ты домой! Или хотя бы позвони куда-нибудь, скажи, что ты здесь, позвони в офис или в тот бар!

– А можно позвонить?

Он приготавливал лед и выпивку, но после моих слов обернулся со страхом в глазах.

– Извини, я жду очень важный звонок прямо сейчас, попозже позвонишь.

Надо сейчас позвонить! – кричит Киёми, а я не могу ни о чем думать, кроме одного официанта из ресторана.

– Ты куда хочешь позвонить?

– В офис.

Похоже, он догадался, куда я хочу позвонить.

– Слушай. – Он налил бренди, который я раньше уже пила, в большой, похожий на комнатный аквариум, бокал. – Я не обычный человек. Я отличаюсь от всех остальных мужчин в этом мире. Ты ведь уже поняла?

Киёми хочет, чтобы я ответила, и почти плачет, а я пью бренди, как вино, и почему-то думаю, что диетолог самый добрый человек на свете, и это, наверное, только потому, что со мной никто раньше не разговаривал, а он разговаривает. Я уже опьянела, а Киёми не пьянеет.

Если с тобой что-нибудь случится, куда мне идти? Ведь меня пустила ты, не алкоголик, не псих, не ребенок, не старуха и не бомж. И мы говорим на одном языке. Я могу говорить по-английски и по-французски, и по-испански немного тоже могу, даже по-немецки читать умею, но... Я один раз жила в иностранце, ты знаешь? Меня пустил один швейцарец-извращенец, он был жутким мазохистом и раза два-три в месяц развлекался по-своему. У него была своя фирма, занимающаяся дизайном интерьеров, были особняки в Монако и Шамони, он коллекционировал литографии Густава Климта, он был просто идеалом для меня, он меня понимал и принимал, я нравилась ему, но он не понимал по-японски. Это так сильно давило на меня, я так от этого уставала... поэтому, кроме тебя, я никого себе не смогу найти.

– Я немного странный, это все моя страсть виновата.

Я не понимала ни одного, ни другую, поэтому стала думать о высоком официанте из ресторана, а потом закрыла глаза, голова у меня закружилась, все поплыло, и мне захотелось, чтобы меня кто-нибудь обнял и занялся со мной сексом.

– Я рассматриваю диетологию как науку, изучающую физиологические проблемы, а психологию как науку, изучающую психологические проблемы, я занимался и тем и другим и знаю, какая между ними связь. Поэтому я и говорю, что странный. Если бы я был обычным человеком, как раньше, я бы, беспокоясь о тебе, начал убеждать тебя бросить твою работу и не ходить в этот... офис. Это же просто фирма эскорт-услуг, разновидность публичного дома, правильно? И я ведь действительно беспокоюсь о тебе, потому что ты меня интересуешь. Однако я думаю, что не все проблемы в этом мире можно решить с помощью морали. Я бы даже сказал, что почти все проблемы этого мира невозможно решить с помощью морали. Многие моралисты ведут себя прилично, говорят пристойно, пытаются заглушить окружающую их аморальность, но это всего лишь жалкие потуги. У них ничего не получится. Возьмем вот тебя, к примеру. Ты работаешь проституткой по вызову. Но это неизбежно. Ведь подсознательно ты чувствуешь вину за то, что придумала Киёми.

Ты пытаешься как-то искупить вину, нет, скорее очиститься изнутри, и поэтому где-то в бессознательной области твоего внутреннего мира ты ощущаешь необходимость себя унижать, издеваться над собой.

Поэтому ты не должна прекращать продавать себя, может быть даже, это единственно правильный для тебя путь, чтобы наконец избавиться от Киёми и стать самой собой. Хотя возвращаться в твою фирму я бы тебе тоже не посоветовал бы.

Мне вдруг стало очень плохо, я не смогла прямо удержать голову, и меня стошнило двумя серыми моллюсками прямо на тот костюм, который мама купила мне тайком от папы.

– Ну что ты будешь делать!

Он отвел меня в туалет, но меня больше не тошнило, и я задремала, обняв унитаз.

Где-то зазвонил телефон.

Ты спи, я сама буду разговаривать, – плача, сказала Киёми, и я заснула, уткнувшись в унитаз.

Дверь туалета была приоткрыта, и мне было немного видно, что происходит в комнате. В комнату зашли трое мужчин и женщина в белой маске на лице. На ней еще был плащ.

Один из мужчин оказался стариком небольшого роста с седыми волосами. Я его где-то видела. Другие двое были в костюмах и выглядели как типичные офисные служащие. Женщина смотрелась странно. Когда она сняла маску, обнаружилось, что ее рот был скреплен чем-то

напоминающим бельевую прищепку. Похоже, прищепка находилась на ее губах уже долгое время, поскольку слюна капала на пол.

– Где вы были? – спросил диетолог.

– Недалеко от Нара, на теплых источниках, – ответил один из Офисных Работников на осакском диалекте, а другой, обращаясь к нему, сказал:

– Принеси инструменты из машины.

Первый Офисный Работник вышел из комнаты. На самом деле я всего этого не видела. Мне рассказала Киёми. Они один раз упомянули меня в разговоре, кто-то из мужчин сказал: «Блин, какая толстая», а диетолог ему ответил: «У нее еще с головой не все в порядке, но можно неплохо развлечься». Второй вернулся с багажом инструментов и сказал:

– Хорошо, что сэнсэй сегодня в Токио, иначе бы мы ее упустили. Не испачкайтесь только, – и он протянул старику полиэтиленовый мешок, который можно было надеть поверх одежды.

Они сдвинули в угол комнаты диван и телевизор, постелили на пол огромный кусок полиэтиленовой пленки и, притащив баллон со сжатым воздухом, надули небольшой бассейн. Затем стянули с женщины плащ, под которым была надета футболка, а поверх нее натянуты куски ткани и кожаные ремни. Куски ткани походили на пакеты из-под картошки.

– Начнем.

Старик передал одному из мужчин конверт, а тот отдал его диетологу. Диетолог пересчитал деньги и, удовлетворительно кивнув, включил классическую музыку на CD-плеере. Один из мужчин набросил на женщину накидку, как в парикмахерской, и сначала состриг ей волосы на голове, а потом побрил машинкой.

Она крутилась и пыталась вырваться, но зажим на ее губах и странный костюм сдерживали ее движения. Старик велел ей стонать, а один из мужчин сказал, что стены в комнате звуконепроницаемые. Затем он снял с ее губ прищепку. Она не смогла сразу открыть рот и плакала, широко раздувая ноздри. Старик снимал ее лицо на камеру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.